

The background of the entire image is a photograph of a cracked asphalt road. White dashed lines mark the road's path, receding into the distance. The sky above is filled with heavy, grey clouds. The cracks in the asphalt are prominent and jagged, creating a web-like pattern across the scene.

ИЛЬЯ БУШМИН

ДОРОГА СМЕРТИ

Илья Бушмин

Дорога смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11958915

ISBN 9785447426248

Аннотация

Трасса М-4 «Дон» в Подмоскowie. 110 км асфальта. Огромные лабиринты подмосковных автострад. Бетонные джунгли. И в каждом джунглях найдется свой хищник... Банда убийц вершит ночной террор. Автоманьяки с трассы «Дон» оставляют после себя лишь трупы. Страх нависает над Москвой. Полиция, ФСБ, стритрейсеры – банду ищут всем миром. Но остановить злодеев может только один человек. Он не боится смерти. Потому что он уже мертв.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	11
Глава 1	11
Глава 2	26
Глава 3	44
Глава 4	55
Глава 5	60
Глава 6	69
Глава 7	80
Глава 8	91
Глава 9	101
Глава 10	119
Глава 11	133
Глава 12	143
Глава 13	157
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Дорога смерти

Илья Бушмин

© Илья Бушмин, 2016

ISBN 978-5-4474-2624-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Док с экрана монитора с сочувствием смотрит на Бегина, кивая каким-то своим мыслям, после чего осторожно выдает:

– Вы слишком много курите, Александр.

Бегин с невеселой усмешкой пожимает плечами. Пододвинув к себе пепельницу, заполненную окурками под завязку, медленно выдыхает проклятый дым.

– Пожалейте себя, – продолжает док. Динамики старенького, но шустрого еще ноутбука придают его голосу хрипящий и чуть механический голос. – Или... У вас это, может, форма наказания себя?

Как его зовут, Бегин не помнит. Какое-то время назад, еще в Москве, во время очередного визита, Бегин читал его фамилию на табличке, приколоченной к двери. Но та вылетела из головы. То ли Иванюк, то ли Иванчук, а может быть, даже Иванченко. Но точно не Иванов. Впрочем, Бегину все равно. Все это не имеет никакого значения.

– У нас с вами разные взгляды на самих себя, – отзывается Бегин.

Похмельное сознание искривляет реальность своеобразно: сейчас он четко ощущает себя как говорящая голова, получающая сигналы откуда-то извне и озвучивающая их. Это даже забавно. Впрочем...

– Что вы имеете в виду?

– Понимаете, – Бегин тушит окурок. Рука машинально тянется к пачке сигарет, но Бегин останавливает себя. Это было бы слишком. Если док захочет, у Бегина будут проблемы. А если курить одну за одной – док молчать не будет. Паршивец. – Понимаете, вы считаете, что наше тело, наш организм, голова-руки-ноги – это и есть мы. Я воспринимаю все немного иначе. Это все просто... ну, лошадь. Или автомобиль. Временное транспортное средство.

Док кивает. Очевидно, вспоминает, что месяц-другой назад о чем-то подобном они уже говорили.

– Я вас понимаю. Хотите сказать, что наше тело – это не мы?

Пива бы, думает Бегин. Уж больно голова трещит.

– Да ничего я не хочу сказать.

– Но вот посмотрите с другой стороны на все это, Александр. Вы ведь не станете сознательно губить свою лошадь? Ну, или машину.

У Бегина нет ни лошади, ни машины. Лошадь ему никуда не вперлась. А машину он не водит уже... Нет, про это лучше не вспоминать. Иначе будет только хуже.

После событий последних дней Бегина немного замкнуло. И да, он нажрался. Было слишком тяжело, чтобы выносить реальность и происходящее вокруг один на один. Проснувшись утром, Бегин чувствовал себя ходячим мертвецом. Да и сейчас немногим лучше. Голова стучит так, словно гото-

ва взорваться. Нет, Бегин не чувствует боли – лишь пульсация, похожая на постукивания молоточков, в висках и где-то внутри черепной коробки. Во рту будто кошки нагадили. Зато мысли бегают где-то там, на заднем плане, не занимая собой все пространство. «Обезьяний ум» крепко спит или еще пьян. Уже хорошо.

А потом пришлось открывать компьютер и звонить доку. Что поделаешь, это одно из условий.

– Вы делаете свою работу, – бурчит Бегин, протирая потное лицо. – И я это понимаю. А я делаю свою. Так что давайте не будем строить из себя праведников, хорошо?

– Мы просто разговариваем. – Док реагирует невозмутимо, но тихим сапом продолжает свое дело. – И раз уж вы заговорили о праведниках... Разве вы себя к ним не относите?

В голове начинает стучать еще сильнее. Нужно что-то с этим делать. Забавное дело: если Бегину в руку воткнуть раскаленный нож, он практически ничего не почувствует. А тут... Бегин ловит себя на занятой мысли, вспоминая слова дока про наказание самого себя. А что если это не наказание, а наоборот – попытка что-то почувствовать?

Но собеседнику на экране ноутбука об этом лучше не говорить.

– Стоит ли делить мир на праведников и грешников, – откликается Бегин. – Это все у нас в голове. Не более того. Это одна из иллюзий.

Док будто удивляется.

– Вы сейчас серьезно? А как же... как же то, чем вы занимаетесь?

Бегин косится на сигареты. Пора ли? Мысленно: «Миссисипи – раз. Миссисипи – два. Миссисипи – три». Теперь можно. Бегин закуривает снова и выпускает поверх дисплея ноутбука струю дыма.

– Знаете... Если вы назовете кого-то праведником, то в этот самый момент вы создадите и грешников. В этот самый момент с высоты праведника открывается целый простор для осуждения. Ведь плюс не может существовать без минуса. Грешник нужен праведнику, чтобы оправдать его собственное существование.

Док молчит. Что ж, его право.

– А теперь посмотрите на всю тупость и абсурдность наших усилий. Мы все время стараемся избавиться от грешников, искоренить их. Мы надеемся на существование мира, в котором не будет плохих людей. Это утопия. Мы врем сами себе каждую минуту. Это бессмыслица. Потому что праведники не могут существовать без грешников. Они – просто другая сторона той же самой монеты, – Бегин усмехается. Тушит сигарету и отодвигает пепельницу. Смотрит в глаза доку, который, хмурясь, внимательно ему внимает. – Но не беспокойтесь по этому поводу сильно. На самом деле ни тех, ни других просто не существует. И вы сами знаете об этом.

С похмелья, когда мозг практически спит, довольно легко заставить себя поверить в то, во что хочется верить.

А вскоре сеанс заканчивается. Бегин отбыл свою повинность. В следующий раз... Хрен знает, когда. Но не сегодня. Значит, можно выныривать в мир. Бегин встает из-за старого, скрипучего стола, который не разваливается только каким-то чудом. Казенная однокомнатная квартирка в какой-то глуши города Домодедово – та еще дыра. В комнате из мебели – только этот дурацкий стол, ветхий шифоньер с зеркалом да продавленная двуспальная кровать.

Учитывая, что это конспиративная квартира на учете местного УВД, койка наверняка повидала всякое.

Бегин шагает на кухню. Берет бутылку пива из холодильника, она каким-то чудом сохранилась после вчерашнего. Возвращается. Подходит к простенку между шифоньером и заляпанным разохшимся окном, через рамы которого по-свистывает ветер.

Делая глоток ледяного пойла, он усталым взглядом взирает на картину перед ним.

Стена завешана фотографиями. Десятка два самых разных снимков, приколотых булавками с разноцветными пластиковыми шляпками к неровной стене с выцветшими обоями.

Со снимков на Бегина смотрит то, что, казалось бы, опровергает большинство сказанных им доку слов. Правда, и на этот счет у Бегина есть свое мнение. С фотографий на него смотрело свидетельство чистого зла, который последние полтора месяца наводит ужас на Домодедово

и на все Подмосковье. Бегин беспристрастно взирает на то, на что беспристрастно смотреть невозможно.

Расстрелянные машины. Крупные кадры с гильзами. Пулевые отверстия на водительских и пассажирских дверях. Залитые кровью тесные мрачные салоны автомобилей...

...И трупы. Трупы. Трупы.

Бегин делает глубокий вдох.

Ад вернулся.

Часть 1

«Смерть – это не самое худшее, что может произойти с человеком».

Платон

Глава 1

Полоска света пробежала в обратную сторону, ее отблески проползли по кромке сканера. Рябцев, раскладывая козынку на компьютере, увидел всплывшую папку с отсканированным файлом. Это был рапорт опера с резолюцией начальства. Судя по шапке оперативно-розыскного дела, вся эта история была 15 лет назад.

Пятнадцать лет... Рябцев хмыкнул, прикинув в уме, когда это было. Ему, Володе Рябцеву, стукнуло 18 лет. Школа позади. На носу армия, в которую он так и не попал. Спасибо родительскому соседу-пенсионеру: прослышав, что пацан из квартиры напротив хочет идти в правоохранительные органы – а тогда, в 90-е, это было диковатое и странное желание, потому что большинство рассчитывали податься в рэкетеры и бандосы (проклятые времена) – старик предложил помощь. Сосед был непростым, майором милиции в отставке. И вместо армейки Рябцев отправился в среднюю школу

МВД, откуда три года спустя вышел с лейтенантскими погонами и распределением в уголовный розыск Домодедово.

Рябцев оторвался от пасьянса, чтобы переименовать отсканированный файл. Сверился с папкой и напечатал вместо названия файла цифру «18». После чего переместил ее в папку с первыми 17-ю файлами и принялся за сканирование 19-й страницы дела.

Это была его работа последние три года. Рябцев убивал время, оцифровывая архив городского УВД. Работа непыльная, но настолько однообразная, что через пару месяцев он готов был лезть на стену. Еще через месяц – расшибить об эту стену свой череп, лишь бы не видеть эти тонны архивной макулатуры, которая дожидалась своей очереди на оцифровку. А еще через пару месяцев... он привык. И смирился.

А как тогда, после учебки, все хорошо складывалось. Несколько лет в операх-территориалах, после чего Рябцева пихнули в отдел угонов. В Подмосковье, особенно в районе Домодедово, угонами и кражами автомобилей промышляли многие банды и группировки. Они работали в тесном контакте с УБОП. Было время, когда их подразделению завидовали даже убойщики, не вылезавшие из бытовых.

А потом был провал. И Рябцева сослали в располагающийся в сыром и темном подвале архив УВД, придумав поистине дьявольское наказание. Оцифровывать архивные записи... Оцифровывать архив, вашу мать! Тупеть, тыкая одни

и те же кнопки: «опции» – «копировать в файл» – «старт». С утра до вечера, 8 часов в день, с понедельника по пятницу, с января по декабрь...

Первые год-полтора Рябцев надеялся, что его повинность скоро отменят. Но о Рябцеве словно забыли.

Утешал он себя тем, что это было лучше, чем ничего. Пла-тили в полиции в последнее время весьма неплохо. Рябцеву, благодаря заработанным в отделе угонов погонам, полагалась соответствующая надбавка за звездочки. На жизнь им с женой хватало. Работа непыльная. Не опасная. Да, унизи-тельно – но это можно проглотить. Если бы тогда, три года назад, его просто турнули из полиции, работал бы сейчас как-ким-нибудь охранником на складе или в офисе сутки через двое. Лучше было бы? Вряд ли.

Рябцев заложил на прозрачную поверхность сканирующе-го устройства очередную бумагу из оперативного дела 15-летней давности и закрыл крышку. Опции – копировать – старт.

Каждой странице документов, оцифровыванием которых он занимался, нужно присвоить соответствующий номер, переименовывая файл. После чего копировать в нужную папку. Все просто.

Нажав «старт», Рябцев вернулся к косынке. Расклад никак не удавался. Иногда ему казалось, что он отупел здесь настолько, что его мозг не способен уже на очевидные вещи.

Телефон здесь звонил редко. И когда неожиданно разда-

лась сухая трель, Рябцев невольно вздрогнул.

– Слушаю.

– Рябцев? – к своему удивлению, Рябцев узнал голос секретарши Лопатина. – Сергей Вениаминович вызывает.

Секретарша бросила трубку, оставив оторопевшего Рябцева наедине с мыслями.

– Твою мать...

Шеф управления? К чему Лопатину вызывать Рябцева? Пару лет его не вызывал даже шеф угрозыска, несмотря на то, что формально Рябцев все еще числился в криминальной полиции. Все оперативки проходили без него, а единственные контакты с руководством ограничивались «Здравия желаю» в коридоре – словами, в ответ на которые опер даже небрежный кивок получал не каждый раз. Ну и еженедельными отчетами перед архивным начальством об успехах по оцифровке, само собой.

Если бы в УВД Домодедово проводился конкурс на самого жалкого сотрудника, первое место с большим отрывом от конкурентов занял бы Рябцев.

Для чего? В голове пронеслись самые паршивые мысли. Его выкидывают. Это когда-нибудь должно было случиться. Наконец-то начальство поняло, что без паршивой овцы стадо выглядит лучше. «Черт... Что я скажу жене?» Но тут же Рябцев одернул себя. Спокойствие. Чтобы выкинуть тебя из ментуры, шефу УВД суесться совсем не обязательно.

«Но что же тогда, твою мать?!»

А вдруг... Надежда мелькнула, словно падающая звезда. А вдруг его наконец-то выдергивают из этого болота и...?

И снова Рябцев одернул себя. Как говаривал его покойный отец – делай, что должен делать, а там будь что будет.

Перед приемной Рябцев одернул свитер и поправил воротник рубашки. Секретарша, щебетавшая по телефону, небрежно махнула ему на заветную дверь начальника управления внутренних дел города Домодедово.

– Сергей Вениаминович, разрешите?

Лопатин листал какие-то бумажки. Покосившись на нервничающего Рябцева, топтавшегося в дверях, кивнул на кресло напротив. Его даже сесть приглашают? Что происходит, черт побери? Рябцев послушно двинулся вперед, осторожно опустился в кожаное кресло и замер, выжидая, что скажет шеф.

Лопатин был здоровенным боровом, по сравнению с ним худощавый и невысокий Рябцев выглядел пигмеем. Лопатин был еще молод – старше 33-летнего Рябцева на пару-тройку лет. Вот что значит хорошие связи в УВД Московской области, где в высоком и чертовски удобном кресле сидел его отец. Впрочем, Лопатин, поговаривают, сам был неплохим спецом. Начинал с оперов, как и Рябцев, только в другом подразделении. А через десяток лет – пожалуйста, полковник и шеф управления.

Лопатин снова покосился на Рябцева и вернулся к бумажкам. Рябцев нервничал, но старался это скрыть. Бросив

взгляд на бумажки в руках Лопатина, на картонной потрепанной обложке он заметил знакомые, нанесенные черным маркером каракули.

Лопатин смотрел его личное дело.

– Так, – кашлянув, нарушил тишину Лопатин. Прикрыл папку и отложил, лицевой стороной вниз. Опер даже в кресле шефа остается опером, мать его. Полковник уставился цепкими черными глазами на Рябцева, словно мало ему было, что опера итак раздирала неизвестность и самые нехорошие предчувствия. – Как служба, Рябцев?

А ты посиди в подвале пару лет, поймешь. Рябцев замаялся, не понимая, чего от него ждут. Ответ прозвучал глупо:

– Стараемся, товарищ полковник.

– В архиве тебя хвалят.

Повторять «Стараемся» Рябцев не стал, это было бы вообще верх тупости. И он просто кивнул.

Лопатин сделал глоток кофе. У него была выдающаяся кружка. Черная, широченная – и двумя ладонями не обхватишь. Обращенную к Рябцеву сторону кружки украшало лаконичное «BOSS».

– Хорошо, – буркнул Лопатин. – Ты ведь у нас восемь лет в отделе угонов работал?

– Так точно. Почти девять.

– Я тут посмотрел, ты неплохо показывал себя. По раскрытиям был один из лучших.

– Мне... – Рябцев тщательно подбирал слова. – Очень

нравилось этим заниматься, товарищ полковник.

– Машину хорошо водишь?

– Само собой. Как иначе-то по угонам работать...

Лопатин хмыкнул. И наконец перешел к главному.

– Не знаю, следишь ты за сводками или нет. У нас мокруха на трассе. Там сейчас группа вовсю работает. Нехорошая какая-то мокруха... По почерку один в один как и та, что две недели назад была. Там же на М-4.

Рябцев растерялся от неожиданности. Про двойное убийство 12 или 13 дней назад на участке трассы М-4 «Дон» Рябцев слышал. Не от коллег, потому что с ним в УВД особо никто и не общался – а, как и простые обыватели, по телевизору. Тогда неизвестные расстреляли семью пенсионеров. Проккололи шины шипами, скрученными из гвоздей, и заставили таким образом остановиться машину стариков. После чего открыли огонь. Не взяли ничего: кошелек в кармане убитого, магнитола, серьги убитой. И даже машина.

Но растерялся Рябцев от другого.

– Да, я слышал. Но... – опер собрался с духом. – Сергей Вениаминович, я честно говоря не совсем понимаю... При чем здесь я?

Лопатин вперил в него изучающий взгляд.

– Ты три года в архиве просидел. Проклинаешь, наверное, все это.

– Спорить не буду, – робко ввернул Рябцев. От слов Лопатина у опера ёкнуло сердце. Этот момент, вот оно. Сверши-

лось. Его возвращают к оперативной работе. Рябцев не мог поверить. Словно сон. В голове сразу мелькнула мысль, что первым делом он позвонит жене. Вика должна знать. Пусть ценит то, что чуть не потеряла.

Словно в подтверждение его мыслей, Лопатин задал вопрос в лоб:

– Хочешь вернуться в обойму, так сказать?

Все сошлось. Рябцев много лет работал по угонам, и работал очень неплохо. Что греха таить, до того косяка со стукачом непосредственного шефа Рябцев считался одним из лучших в подразделении. Сейчас в районе Домодедово произошли два убийства. Это уже серия. И опера, судя по всему, хотят проверить версию по линии угонщиков и автобанд, ошивающихся в этой части Подмосковья. И тут они вспомнили про старого доброго Рябцева!

Он с трудом сдержался, чтобы не просиять.

– Спрашиваете, товарищ полковник. Еще бы. Конечно.

– Это все ерунда, – шеф УВД кивнул на личное дело Рябцева. – Как я понял, у вас был конфликт с твоим бывшим шефом, Курбатовым. Так вот Курбатов у нас уже год как не работает. И как бы все можно устроить. Как ты на это смотришь?

Лопатин словно пытался убедиться в очевидном. Но в тот момент Рябцев еще не понимал, что за этим стоит.

– Я готов, Сергей Вениаминович, само собой, – горячо выпалил опер. – Черт, да я... Простите. Спасибо! Я этого мо-

мента, честно говоря, давно жду. Уже и не думал... – выдохнув, Рябцев решил брать быка за рога. – Вы спрашивали про убийство на трассе. Я там нужен? Мне выезжать на место? Они еще работают?

– погоди ты, – буркнул Лопатин. Покопавшись в бумажках, натканных в перекидной календарь, полковник выудил мятый квадратик бумаги для записок и протянул Рябцеву. – Вот. Здесь адрес. Езжай в Москву.

Опер взял бумажку, машинально глянул на каракули.

– В Москву?

– К нам прикомандирован следователь из центрального аппарата Следственного комитета, – проворчал шеф УВД. Очевидно, сей факт его не особо радовал. – Какой-то важняк из главного следственного управления. Заберешь его и повезешь на место. Ну и дальше, куда он скажет. Считай, что ты временно переходишь в его распоряжение.

Лицо Рябцева вытянулось. Это был как удар под дых. Теперь все стало понятно. Он встретился глазами с Лопатыным.

– То есть... То есть, я как бы его водитель?

Лопатин пожевал слова во рту перед тем, как нехотя проворчать:

– То есть как бы да. – полковник решил, что можно и подсластить пилюлю, хотя мог этого не делать: – Послушай, Рябцев. Я даю тебе шанс. Покатаешь этого московского хмыря. Неделю, может две. Потом он свалит назад, а мы с тобой что-

нибудь придумаем. Тем более что принимать участие в настоящей работе – это ведь все равно лучше, чем сидеть в подвале и сканировать документы для архива?

Что оставалось Рябцеву? Подавленный, он лишь кивнул:
– Так точно.

Московский следак произвел на Рябцева самое неприятное впечатление, которое только можно было. И это при том, что в целом Рябцев отлично ладил с людьми, а до ссылки в подвал и в управлении считался рубахой-парнем.

Следака он подобрал около жилого дома на тихом и сонном Тушинском проезде в Северо-Западном округе. Тот стоял с кожаной папочкой подмышкой и смотрел в пространство. Рядом на тротуаре стояла спортивная сумка, плотно чем-то набитая. Угрюмый, худосочный, с впалыми щеками и острым носом, он выглядел болезненным. А в его взгляде, которым тот одарил тормознувшего рядом Рябцева, было что-то, заставившее опера внутренне содрогнуться.

Когда следак бросил сумку на заднее сиденье и уселся рядом, Рябцев почувствовал легкий запах перегара.

– Добрый день, – улыбнулся Рябцев и представился, протягивая руку: – Я из Домодедово. Капитан Рябцев. Владимир. Вы Бегин?

Бегин, открывая папку, скользнул равнодушным пустым

взглядом по протянутой руке.

— Поехали. Я хочу осмотреть место, пока от него хоть что-то еще осталось.

Рябцев тронулся, мысленно матеря как напыщенного следака из СК, так и Лопатина. Очевидно, работа будет не из легких. Он включил передачу и тронулся. Рябцев вел автомобиль к МКАДу. Выкатив на кольцевую, по автострате он двинулся вниз. Дорога была заполнена транспортом. Город вечных пробок. Пока машина двигалась к съезду на М-4, никто не произнес ни слова. Вскоре после развилки жилой сектор закончился — резко, словно отрезали — и за окном потянулись деревья, а крайние полосы заметно пополнились большегрузными фурами, тянущимися как в город, так и из него. Встречные полосы, тянущиеся в город, почти «стояли», зато Рябцев беспрепятственно двигался вперед. Сейчас практически утро — а через 4—5 часов ситуация будет прямо противоположной.

Здесь, на трассе, Рябцев чувствовал себя гораздо уютнее. Почти дома.

Лишь один раз Бегин отвернулся от окна, за которым задумчиво созерцал кипящую вокруг жизнь, чтобы спросить:

— Курить можно?

Рябцев надеялся на это. Ему приказали возить следака — но не ублажать. Тем более в собственной, а не управленческой, машине. И Рябцев с удовольствием отозвался, смакуя каждое слово:

– В моей машине не курят.

Бегин равнодушно, к досаде Рябцева, отвернулся и больше не проронил ни слова.

Группу Рябцев увидел, разменяв 45-й километр трассы. Машины с мигалками оцепили крупный участок сразу на двух полосах движения. ДПСники регулировали поток по оставшейся полосе. К счастью, была первая половина дня, и особых пробок это не вызвало. Рябцев тормознул около машины ГИБДД. Инспектор двинулся к ним, чтобы наехать. Выходя из машины, Рябцев позабытым уже жестом взмахнул перед ним удостоверением, после чего гаишник сразу же потерял к нему интерес.

Бегин с папкой подмышкой уже шел вперед, протискиваясь сквозь баррикады из натянутых вокруг машин. Кого здесь только не было. Местные ППСники, криминалисты, фургон из следственного комитета города Домодедово, машины оперов... Но не работал никто. Работа была давно закончена. Протоколы осмотра места происшествия отписаны, сотни мегабайт фотографий сняты, следы изучены, возможные вещдоки подобраны и наверняка уже отправлены на экспертизы. Все здесь просто убивали время – ждали высокую шишку из центрального аппарата СК, которая соизволила лично. Его, Бегина.

Полукольцом транспорт силовиков окружал крупный участок дороги, в конце которого, у обочины, серела выдавшая виды «Киа». Труп, накрытый куском брезента – из-под по-

лотнища торчали только ноги – лежал у распахнутой водительской дверцы легковушки.

Рябцев присел на капоте своей машины. Со стороны он видел, как скучающие и толкающиеся без дела опера из убойного оживились при виде Бегина, ради приезда которого все и торчали тут битых три часа.

Бегин приподнял кусок брезента, чтобы рассмотреть голову убитого. Та лежала на боку, лицом к Бегину. Он чуть поморщился. Сплошное месиво.

– Пять ранений, три в голову, – донесся голос сзади. – Одна сквозная, две проникающие. Добивали наверняка.

Бегин обернулся. Тонкий и жилистый опер кивнул:

– Убойный отдел, Стасин моя фамилия.

– Гильзы?

– Отправили уже. Две там, – Стасин махнул назад, – Начали палить с семи метров. Еще тремя добивали, – опер указал на меловые кружки в метре от Бегина. – Чтоб наверняка.

– Кто он? – Бегин указал на труп. Стасин открыл блокнот.

– Имя Григорий Африн. Сорок три года. Сам из Тульской области. Был ночным грузчиком на складе на Северо-Западе.

– На складе были?

– Сейчас там наши работают. Отзвонились. Говорят, Африн в три ночи домой уехал. К семье.

– Жена?

– И трое детей.

– Паршиво.

Бегин обратил внимание на спущенное переднее левое колесо легковушки. Склонился, заглянул под бампер. Ошметки резины вокруг вырванного из шины куска он нащупал сразу.

– Он остановился, чтобы проверить колесо, – сказал Бегин. – Чем пробили, нашли?

– Секунду.

Стасин криком подозвал кого-то, замахал руками. К ним подошел еще один опер, который вручил Бегину завернутый в полиэтилен «ёж». Бегин осторожно взял предмет. Повертел, изучая. Очень простая и надежная конструкция. Связка из нескольких 10-сантиметровых в длину гвоздей, скрученных шляпками. Острые концы растопырились в разные стороны. Одна из них была изогнута зигзагом – именно она вырвала с мясом кусок резины из колеса.

– Самодельные шипы, – прокомментировал Стасин. – Куриная лапа. Мы их так называем. Их тут шесть штук было раскидано.

Стасин махнул рукой на асфальт перед машиной, показывая, где именно валялись скрутки из гвоздей.

– Взяли что-нибудь?

– Мокрушники? Нужно проверять. Но кошелек, мобила... Все на месте.

Бегин в последний раз бросил взгляд на «куриную лапу» и вернул ее Стасину с вопросом:

– Такие шипы – в первом эпизоде они тоже были?

– Такие же, один в один, – живо подтвердил Стасин. – И почерк тот же. Раскидали «куриные лапы» по асфальту. Пробили колеса, остановили машину. А потом изрешетили людей пулями и свалили, падлы.

Бегин осмотрелся, представив, что всех машин, облепивших место преступления, нет. Что сейчас ночь. Обычный участок трассы почти в 50 километрах от Москвы. В четвертом часу ночи здесь наверняка пустынно. Освещения на этом участке почти нет.

А за обочиной – сразу лес.

И где-то там бедолагу поджидали убийцы.

– У нас начальство икру мечет, вдруг будет и третий эпизод, – посетовал Стасин. – А нам серийников только не хватало.

Бегин продолжал задумчиво смотреть на лес.

– Икру мечет? – отозвался он отстраненно, словно беседовал сам с собой или с кем-то, недостижимым для глаз Стасина. – И правильно делает. Потому что те, кто убил этих людей... Они сделают это снова. И очень скоро. Поверь мне.

Глава 2

В здание УВД Домодедово Бегин входил в сопровождении Стасина и Наумова – еще одного опера из местного убойного отдела, грузного и усталого от жизни небритого очкарика около 40 лет. Когда Бегин проходил мимо дежурки, он заметил, как местные внимательно косились на него, чужака.

– Вам кабинет на третьем этаже выделили, на время работы, – пробубнил Наумов, неопределенным взмахом руки указывая в никуда.

Бегин скользнул взглядом по мемориальной доске с фотографиями погибших при исполнении сотрудников на стене. Свежим, судя по обновленной полицейской форме на фото, было лишь одно. Со снимка, обрамленного черной траурной полосой, на Бегина смотрело широкое лицо человека с волевой челюстью. Короткая стрижка, начинающая лысеть голова, поджатые губы и цепкий, профессионально-ментовской взгляд. «Аркадий Васильевич Зубов. Майор полиции».

– И наш шеф хотел с вами встретиться, наметить план мероприятий, – подключился Стасин. – Может, сразу зайдем? Он просил...

– Принесите мне все материалы по первому убийству, – перебил Бегин. Он прошел мимо дежурки, замечая, как местные внимательно косятся на чужака. – Мне не о чем говорить, пока я не буду знать все, что нужно.

– Но шеф...

– Он ваш шеф, – равнодушно заметил Бегин, делая акцент на слове «ваш». – Не мой.

Стасин и Наумов многозначительно переглянулись.

Рябцев остался снаружи. Когда Бегин ушел, до Рябцева дошел озадачивший его факт. Идти ему было некуда. В архиве его уже не ждут. А в уголовке ему просто нет места. Не в дежурке же ошиваться. Рябцев выругался сквозь зубы, вздохнул и принялся мастерить самокрутку.

Три года назад, когда Рябцева сослали в подвал УВД, он поначалу убивался по этому поводу. Выпивал часто – не без того, что греха таить. Потом до опального опера дошло, что нужно копить деньги. Если его все-таки выпрут из органов – лучше иметь подушку безопасности в виде определенной суммы денег на банковском счету, которой хватит хотя бы на первое время. Как и многие другие в похожей ситуации, Рябцев пришел к однозначному выводу: нужно бросать курить. И да, он бросил. Сейчас Рябцев даже не мог представить, как ему удалось реально не курить целый год. А после... после была история с Викой, из-за чего Рябцев сорвался и пустился во все тяжкие.

Лечит не только время, но и не самое завидное финансовое положение. Теперь Рябцев, правда, не осмелился бросать хреновую привычку. Вместо этого он перешел на самокрутки. Арифметика проста: нужно покупать не только табак, но и фильтры, и папиросную бумагу. Однако экономия

оказалась существенной – теперь на эту дрянь Рябцев тратил раза в три меньше денег. Другим важным плюсом был процесс изготовления самокрутки. Неспешный, полумедитативный, размеренный, он не только помогал отвлечься от мирской суеты, но и позволил оперу существенно сократить курение. Ведь если дымить каждые полчаса, как с обычными сигаретами – то кроме курения и изготовления самокруток ни на что и времени больше не хватит. Так что как ни крути – одни плюсы.

Но отвлечься от мирской суеты не получилось. В окно водительской дверцы постучали костяшками кулака так резко и громко, что от неожиданности Рябцев просыпал на ноги всю заготовку под самокрутку.

– Твою мать!

Это был Головин. Довольный эффектом, он запрокинул голову и заржал.

Рябцев выбрался из машины, угрюмо покачивая головой:

– Падла ты, Головин.

– Ты б рожу свою видел! Даров, архивная крыса. – Рукопожатие Головина было крепким и энергичным. – Как она?

В сторонке стоял Шахов, поглядывая на Рябцева изподлобья. Рябцев сдержанно кивнул ему и получил такой же кивок в ответ. Шахов подходить не собирался – будучи другом Курбатова, после конфликта три года назад он серьезно невзлюбил коллегу-опера.

– Уже не архивная. – Рябцев сплюнул. – У начальства но-

вая прихоть. Теперь я вожу следака из Москвы.

Головин оживился:

– Который по мокрухам работать будет? Ништяк. Ну и как он тебе?

– Честно? Му... к му... ком.

– Хреново, – Головин пригорюнился. – Очень хреново. Нас тоже в группу включают. По линии угонов и всех дорожных дел шерстить будем.

– Удачи.

– Слушай, – Головин кашлянул. – Брателло, раз такие дела... Может, побазаришь с кем-нибудь из твоей бывшей агентуры? У тебя контакты покруче наших с Шаховым были. По любому ты на связи с некоторыми все еще... А?

Рябцев почувствовал очередной укол обиды. Так, все так. Агентура Рябцева и помогала ему быть одним из лучших в подразделении.

Но за борт выкинули именно его. Поэтому Рябцев постарался, чтобы его ответ прозвучал как можно более равнодушно.

– Мне вообще плевать. Мое дело баранку крутить.

– Зря ты так, Вован.

– А ты поторчи в подвале три года, потом поговорим.

Головин не нашелся, что ответить. Кивнул, хлопнул Рябцева по плечу и двинулся к дверям управления. Шахов напоследок одарил Рябцева неизменным холодно-неприязненным взглядом и двинулся следом за напарником.

Рябцев вернулся за баранку.

– Пошли вы все...

Сделал глубокий вдох, успокаиваясь. Достал пакет с табаком и новый листочек папиросной бумаги и принялся мастерить новую самокрутку.

Кабинет Бегину достался неплохой. Стол, стулья, шкаф. Ничего лишнего, зато сюрпризом был чайник и банка кофе. Налив себе напиток покрепче, Бегин сел за изучение материалов, подвезенных из отдела СК по Домодедово.

Убийство произошло почти две недели назад, 3 мая. Жертвы – супруги-пенсионеры, Пыжов Константин Анатольевич и Пыжова Наталья Александровна. Их «Рено-логан» обнаружили на 79-м километре М-4 «Дон» близ Домодедово. Проезжавший перед рассветом дальнобойщик обнаружил в свете фар труп человека. По рации он связался с коллегами, один из которых в это время приближался к посту ДПС. Он и сообщил в полицию о находке.

Неподалеку от машины криминалисты, работавшие на месте, обнаружили шипы-ловушки. Бегин внимательно изучил фото. Такие же «куриные лапы» как и те, которые он видел сегодня. Одна, которая и пробила колесо, была деформирована и, подчиняясь какой-то своей траектории, улетела в обочину.

Почувствовав прокол, Пыжов съехал в обочину, включил аварийку и вышел из машины. Он даже успел достать домкрат и открыть отсек с запаской, когда появились убийцы.

Совещание с местными проходило в кабинете шефа криминальной полиции Домодедовского УВД. Местное начальство согнало на встречу со следователем целую толпу народа – здесь были опера от большинства подразделений угрозыска, а также люди из местного СК, представители ЭКЦ и прочие.

– Меня зовут Александр Ильич Бегин, я следователь по особо важным делам из главного управления СК, – представился Бегин, скользя глазами по присутствующим. Оперативника, который забирал его из Москвы, а затем привез сюда, в кабинете не было. – Хочу сообщить, как обстоят дела. У вас намечается нехорошая серия. Уже три трупа. Поэтому ваше и наше руководство в главке решило сформировать оперативный штаб для поиска преступников здесь, в Домодедово, поближе к местам совершения преступлений.

Лопатин, сидящий рядом, покивал, перехватывая пальму первенства и показывая, кто в доме хозяин. После чего кивнул кому-то из оперов:

– Давайте, чтобы время не терять. Докладываем, что мы имеем на данный момент.

Наумов из убойного почесал репу.

– Супруги Пыжовы. Оба москвичи. В ночь на третье они выехали к родственникам в Тверь. К сыну. На праздники, так

сказать. Трупы обнаружили в три сорок. Дважды им выстрелили в живот, потом каждому контрольный в голову. Женщина как сидела в кресле, так и осталась там. Мужик вышел, его около машины и положили...

– Что пропало?

– Поначалу решили, что ничего. Бумажник у мужика был в кармане. Деньги, документы, права. Телефон. Потом стали пробивать. Оказалось, что у его жены тоже была труба. Вот ее и взяли. Если эти упыри забрали что-то еще, то мы об этом не знаем, – опер покачал головой. – Сотовый телефон, понимаете?

– Версии?

– Сработали убийцы сами видите, как. На заказуху похоже. И мы по этой линии отработали все, что могли. Но без выхлопа.

– Совсем?

– Одинокие пенсионеры, долгов нет, конфликтов нет. Больших денег у них не было никогда, жили в однушке. В общем... – Наумов пожал плечами. – То есть, видно, что убийцы готовились. Может, уровень подготовки у них у самих хороший. А может и нет. Но к преступлению они однозначно подошли серьезно. Все похоже на заказное убийство. Но мотивов для заказа просто не было. Ни намек.

Наумов машинально похлопал по карману, потом опомнился, что он на совещании, где курить нельзя. Вздыхнул и устало, как обычный человек, а не профессиональный

опер, добавил:

– Итого: два труп. И сотовый телефон, который взяли мокрушники. Один старый дешевый и никому не нужный мобильник...

Лопатин кашлянул, прерывая лирику подчиненного. Бегин – наоборот – кивнул Наумову, поддерживая. Сверился с бумажками.

– По баллистике что?

Криминалист из экспертно-криминалистического центра Домодедово заготовил с собой схемы и таблицы.

– Стреляли как минимум из двух стволов. Ну вы и сами по картинке видите: один палил в женщину со стороны пассажирской дверцы, второй в водителя. Всего пять пулевых. И все в яблочко. А ведь ночь, темно, стрелять могли на бегу...

Бегин кивнул, понимая, к чему тот клонит. Стреляли профи.

– Гильзы стандартные, девять миллиметров?

– Но со спиленными номерами. Напильниками поработали. Так что происхождение боеприпасов, простите, хрен установишь. С пулями тоже беда. Для исследования более-менее подошла только одна, остальные сильно деформированы.

– И что с пулей? Ваше мнение?

Криминалист вздохнул.

– Я не хочу делать выводы поспешные. Может быть са-

мопал. Но бандосы из самопалов лет 15 уже не стреляют. Что, на черном рынке стволов нормальных не купить? Да и по характеристикам смотрите: из самопала какая кучность, там бы половина пуль точно в молоко ушла. Моя версия – какой-то редкий ствол, иностранного производства, которого у нас нет в базе.

Бегин кивнул. Вмешался Лопатин:

– Ситуация у нас конечно хреновая. Убийства как будто немотивированные. А почерк похож на работу профессионалов. Но я бы хотел отметить, что они мастерят кустарные шипы из гвоздей, эти самые «куриные лапы». Уровень гопников...

– Я видел эти конструкции, – возразил Бегин. – Ловушки хоть и кустарные, но выполнены очень грамотно.

– Знаете, я по своему опыту... – не сдавался Лопатин. Слушать его дальше у Бегина не было никакого желания.

– Возьмите эту «куриную лапу» на досуге и бросьте на асфальт. Вы увидите, что в любом положении она ляжет одним из острых концов вверх. Конструкция очень простая, но тот, кто ее сделал, все продумал и позаботился о ее устойчивости. Они могли бы раздобыть ленту – вроде тех, которыми ДПС останавливает нарушителей – но это не практично. Она стоит денег, а еще ее могут заметить в свете фар. «Куриные лапы» из скрученных гвоздей в ночное время суток и на темном асфальтовом покрытии не заметны вообще.

Лопатин молчал. По тому, как он набычился, было видно,

что полковник не привык, чтобы с ним так разговаривали. Тем более в его собственных владениях.

– Я посмотрел материалы, – продолжал Бегин. – Преступников пытались взять по горячим следам в обоих случаях. И две недели назад, и сегодня. Объявили план «Перехват», перекрыли трассу в обоих направлениях, проверяли машины. Но операция ничего не дала. Почему? Шмонали-то, как я понимаю, всех. Значит, у них был план отступления. Проселочные дороги, возможная смена транспорта, собственный безопасный коридор – что угодно. Одно я вижу точно. Это – НЕ уровень гопников.

– Раз вы откомандированы к нам, вы ведь и жить здесь будете? Нам так обрисовали ситуацию.

Если Лопатин и затаил злобу на Бегина, то после совещания никак это не показывал. Тем более, что цель была достигнута. Теперь оперативную работу УВД курировал пришелец из Москвы, а не кто-либо из местных, домодедовских, следаков, связи и знакомства которых с коллегами из УВД, с чиновниками и прочими не самыми последними людьми в городе запутались настолько, что спихнуть какой угодно рабочий косяк или недоработку на коллег из следственного ведомства не представлялось возможным. Отныне эта проблема решена.

– Здесь рядом есть небольшая гостиница, – продолжал Лопатин, провожая Бегина к его временному кабинету на третьем этаже. – В шаге от управления практически. С руководством мы обо всем договорились, там свои люди. Хотите сейчас посмотреть?

– Просьба небольшая. Есть другие варианты?

– В смысле?

– Место поспокойнее. Где нет людей, горничных и прочего.

Лопатин был озадачен.

– В гостинице очень удобно. Мы ведь не деревня какая-то. Да и вы не первый, кто там останавливается, и...

– Спасибо – нарочито вежливо сказал Бегин. – А все-таки? Я не социофоб, но, когда я не на работе, предпочитаю быть один. В гостинице это сложно. Сами понимаете.

Лопатин поскреб подбородок.

– Постараемся что-нибудь придумать.

– На балансе УВД наверняка есть пара-тройка квартир, – мягко подтолкнул полковника Бегин.

– Вы... вы имеете в виду конспиративные? Боюсь, там не совсем те условия.

– Мне не нужны хоромы. Сойдет практически все.

Любой другой двадцать раз пожалел бы об этих словах, лишь переступив порог квартирки. Старая однокомнатная дыра на пятом этаже одной из последних высоток на самой окраине Домодедово, с видом на не менявшийся с послево-

енных лет частный сектор. Скрипучая рухлядь-мебель, допотопная газовая плита. Но мощная железная дверь.

– Сойдет, – кивнул Бегин и, помедлив, бросил сумку на кровать.

Рябцев, в тот вечер доставивший его на конспиративную точку, как и полагает личному водителю, с сомнением осмотрелся по сторонам и покачал головой.

– Ничего не меняется. Я тут бывал лет шесть назад. Сейчас все то же самое, только еще хуже. Ни ремонта, ничего.

– Меня все устраивает.

Рябцев решил для себя окончательно, что визитер с заскоком. Появилась даже версия, что этого фрика специально спланировали в командировку с глаз долой, чтобы не позорить ведомство. Он молча пожал плечами и положил на стол ключи от квартиры.

– Ну, в общем, мой номер у вас есть. Если что, звоните, подъеду сразу.

Бегин кивнул, продолжая осматриваться. Рябцев уже хотел было выйти, но не удержался.

– Вы сами машину не водите, да?

Почему-то Бегин поколебался перед ответом.

– Это долгая история. Но нет, я не вожу автомобиль.

Рябцев мотнул головой, хотя ничего не понял. И шагнул к двери, но теперь его остановил Бегин.

– Вы ведь оперативник? Вас не было на планерке. Почему?

– Это тоже долгая история, – невесело усмехнулся Рябцев. – Как-нибудь, может, и расскажу. Если у вас будет желание слушать.

Прощаясь, Бегин просто кивнул головой.

Когда за Рябцевым захлопнулась дверь, он сел на кровать и какое-то время смотрел в никуда, о чем-то размышляя. Медленно встал, прошел к холодильнику. Заглянул внутрь. Так и есть, пусто.

Магазин он «срисовал» перед поворотом во двор, тот находился на первом этаже соседнего дома. Магазин достаточно крупный. Значит, с лицензией на алкоголь. Минут через десять Бегин уже был там. Сунул продавцу мятую купюру.

– Пиво. Десять бутылок.

Он был бы рад не делать этого. Да вот беда – без алкоголя Бегин был не в состоянии уснуть. Так продолжалось уже много лет. С тех самых пор, как случилось то, что перевернуло всю его жизнь, разделив ее на «до» и «после».

На ужин была тушеная картошка с индейкой. Рябцев откровенно недолюбливал тушеную картошку, о чем Вика отлично знала. Но сейчас было не до этого.

– А вдруг это мой шанс? – говорил он. – Я пока не знаю, как проявить себя, я ведь просто буду возить этого козла и все... Но сегодня только первый день. Я что-нибудь при-

думаю. Должен придумать.

Но Вика была настроена скептически, что не могло не раздражать Рябцева.

– Ты тогда, три года назад, тоже так говорил...

– Сейчас другое, блин, – рассердился Рябцев. – Эти три года я торчал в подвале, и все, с кем я контактировал – бумаги архива за 70-е и 80-е года. Есть разница, нет?

– Володь, чего орешь сразу?

– Я не ору. – Рябцев покряхтел, успокаиваясь. Отправил в рот полную ложку картошки. – Лопатин обещал. Сам шеф УВД меня к себе вызывал. И он мне так и сказал: если все пройдет нормально, подумаем. Это его слова, понимаешь?

Вику беспокоило, как оказалось, совсем другое.

– Ты только сильно губы не раскатывай. Ну, я тебя прошу. Потому что если ничего не получится и тебя потом опять пошлют старые бумажки сканировать... Я не хочу, чтобы ты запил снова. Володь, я второй раз не выдержу.

Лицо Рябцева налилось кровью.

– Не выдержишь? В смысле, в койку к своему Вадиму опять прыгнешь, когда жареным запахнет? И в здравии, и в горе, да, б... дь, «жена»?

Вик у словно ударили. Она опустила глаза и не проронила в ответ ни слова. Рябцев успел заметить, как задрожал ее подбородок. И это вывело его из себя еще больше.

– Твою мать, а!

Рябцев швырнул вилку на стол и вылетел из комнаты. При

этом он действовал так демонстративно, что налетел плечом на дверной косяк. Плечо заныло от тупой боли, что выбесило Рябцева еще больше. Он вышел на балкон, хлопнув дверью, и принялся сооружать самокрутку.

Это случилось полтора года назад. Рябцев окончательно смирился с новыми условиями существования. Позади был даже период бросания курить, когда от нервов он порой готов был лезть на стенку. В этот момент его ждал удар с той стороны, откуда опер ждал его меньше всего. Из дома. В тот день начальник архива отмечала день рождения. В честь этого не ахти какого события на чаепитие с тортиком пригласили даже Рябцева, которого в архиве считали белой вороной сверху и откровенно его чурались. После импровизированного банкета с пошлыми речами и непременно открыткой большинство сотрудников отпустили пораньше – кроме дежурного специалиста.

Вика, менеджер в одной из инвестиционных фирм, натканых в новой высотке на Каширке в центре Домодедово, часто возвращалась домой пораньше, и ее присутствие Рябцева не удивила. Сама Вика плескалась в душе. А затем было одно из тех самых совпадений, которые иногда случаются. Если бы на сотовый Вики не позвонила ее мать, Рябцев не взял бы трубку в руки. Если бы не взял – не увидел бы СМС от Вадима с содержанием, от которого Рябцева словно локомотив переехал: «Мне было супер. Целую. Завтра у меня». И трогательный смайлик в конце...

Рябцев был растоптан. В тот день он выпалил растерянной и паникующей Вике все, что о ней думает, и хлопнул дверью. Ночевал у приятеля, с которым нажрался до беспамятства. Утром нашел в себе силы позвонить на работу и сказать себя больным, после чего нажрался снова. И на следующий день, только теперь ночевал у Головина из отдела угонов, который, к счастью, как раз был в отпуске. Все это время Вика пыталась дозвониться до него, но он не брал трубку. Она писала СМС, самые разные – от «Давай поговорим!» и «Прости меня» до «И что, это все, конец?».

Они с Викторией жили в его квартире, доставшейся Рябцеву от покойных родителей. И поговорить им все-таки пришлось. Вика старалась не плакать. Она говорила, что последние полтора года ей было безумно тяжело – муж в депрессии из-за проблем на работе, у них на какое-то время исчезла интимная жизнь, она тянула на себе хозяйство и сама постепенно скатывалась в депрессию от всего этого. Правда в словах Вики была, и даже больше, чем готов был вслух признать Рябцев. Вика умоляла подождать и не спешить. Признавала, что виновата полностью, но просила постараться войти в ее положение. Клялась, что больше никогда...

Постепенно все сошло на нет. Рябцев ничего не забыл. Периодически он проверял телефон Вики, ее ноутбук, научился даже смотреть историю в журнале браузера. Это не стало навязчивой идеей, он не помешался на поиске доказательств ее неверности. Рябцев лишь никогда больше не хотел снова

проходить через то, через что прошел. Он любил Вику, хотя поначалу пытался заставить себя поверить в обратное. Рябцев ничего не простил, но со временем все реже вспоминал о том случае. Ведь нужно как-то жить дальше?

– Б... дь, – вздохнул он, выбрасывая окурок с балкона. И вернулся на кухню. Вика мыла посуду. Рябцев увидел, как напряглась ее спина при его возвращении. Рябцев молча сел на стул. В их семье это означало, что горячий, но отходчивый Рябцев готов к диалогу.

– Я совсем не это имела в виду.

Рябцев снова вздохнул.

– Я знаю, Вика. Это так... Накатило.

– Я люблю тебя, – не оборачиваясь, сказала Вика. Она продолжала машинально натирать тарелку. – Все, что было, мы обсудили миллион раз. Я была виновата перед тобой. Я извинилась. Я извинялась год. Год, Володя. И последнее время мне... ну не знаю... начало казаться, что мы перелистнули эту страницу.

Забыть о предательстве невозможно. Сделать вид, что забыл – да. Спрятать поглубже – тоже. Забыть – некогда. Но этих слов Рябцев говорить не стал. Вместо этого он повторил:

– Да. Я знаю.

Опер заставил себя встать и обнять Вику. Она прижалась к нему и поцеловала. Поцелуй был горячим и чуть соленым. Уже через минуту Рябцев мысленно корил себя за несдер-

жанность. Как можно злиться – на нее?

– Извини, – прошептал он, проникая рукой под халат Вики. – Я люблю тебя. Все будет хорошо. Да?

Глава 3

Света по утрам привыкла все делать на ходу. Удаленность от работы и 10-летний сын – лучшие стимулы для появления многозадачности. Вот и сейчас она умудрялась доваривать суп для сына на вечер, есть йогурт и одновременно просматривать свежие письма в электронной почте на своем смартфоне. Из комнаты Паши, где добрых минут десять скрипели стулья, гремели ящики комода и хлопали дверцы шкафа, донеслось протяжное:

– Ма-а-ам!

– Ну чего?

Топанье ног. В дверях кухни возник ее 10-летний оболтус. Так и есть: он уже в штанах, что само по себе радует, но еще в майке. Света возмутилась:

– Паш, что за фигня? Ты знаешь, сколько время уже? Сейчас дядя Федя придет!

– У меня рубашка грязная. Вон.

Паша продемонстрировал белую школьную рубашку, все полы которой занимало мутное светло-коричневое пятно. Света ахнула:

– Паша, ну как же...! Ты ее в унитаз окунал или как?

– Я чай в столовой пролил, – голос Паши звучал жалобно. Какого черта не сказал сразу?

Паша виновато молчал. Чертыхаясь сквозь зубы, Света

метнулась в детскую. Распахнула шкаф, сорвала чистую – вроде – рубашку и всучила сыну.

– Надевай эту. Но блин, в следующий раз, если сразу не скажешь, пойдешь в школу как бомж, ясно? Я бы ее с вечера постирать двадцать раз могла! Паш, сколько раз можно...!

От нотаций парня спас звонок в дверь. И виноватого вида у Паши как не бывало.

– Ура! Укол приехал!

По пути к двери Света успела выключить доварившийся суп и запустить грязную после йогурта ложку в раковину. Многозадачность как она есть.

За дверью стоял Федор. Небритый здоровяк с пудовыми кулаками и широкой улыбкой.

– Укол? – проворчала Света, впуская его в квартиру. Федор хмыкнул:

– Так сразу? Давай начнем с шампанского.

– Можно без кликух с моим сыном?

– Во-первых, не кликуха, а сокращение от фамилии. От нашей общей, если что, фамилии. А во-вторых, в школе, думаешь, они друг друга никак не называют?

Света вздохнула и чмокнула его в небритую щеку.

– Братишка, спасибо что согласился подвезти. Без машины как без рук.

– Завтра все будет готово, я созванивался с пацанами из сервиса, – обрадовал Федор.

– Дядь Федя, драсте, – в конце прихожей нарисовался Паша. – Мам, где мои носки?

– Твою ж... – Света делает глубокий вдох. – Верхний ящик комода, Паша. Где всегда!! Растяпа, блин. И перед выходом в туалет сходи, чтоб не как вчера!

– День не задался с самого утра? – Федор вечно над ней посмеивался, что только больше бесило. – Расслабься.

– Тебе хорошо говорить, бизнесмен.

– Пошли ко мне.

– Запчастями торговать? Лучше убейте меня сразу.

Наконец Паша собрался, и втроем они спустились к машине Федора. Это был желтый суперкар «Ниссан», после многочисленных тюнингов и доработок выглядевший, как настоящий хищник дороги. Гордость Федора – в этом автомобиле он вручную перебрал каждую деталь, улучшив все, что можно было улучшить. Мощный двигатель взревел, когда автомобиль рванул с места, провожаемый настороженными взглядами прохожих.

Машина ехала быстро, виртуозно маневрируя на натыканной автомобилями дороге. Федор был виртуозом, он словно родился за рулем.

– Какие планы на выходные? – подала голос Света. – Может, выедем куда-нибудь на природу, а? Погоду вроде обещают хорошую.

Федор виновато покряхтел.

– Да фиг знает, Свет... Мы с ребятами к автопробегу го-

товимся.

– Опять? Недавно же был.

– Девятого мая вообще-то: а это праздник, святое. Сейчас хотим через всю Европу. Маршрут пока прорабатываем с пацанами, детали согласовываем. Там с организацией сложнее, потому что в этом году...

Федор осекся, вспомнив, что его увлечения никогда не интересовали сестру.

– Ладно, – вздохнула Света. – Кстати о машинах. Мне тут утренняя рассылка из пресс-службы ментовской пришла. На трассе около Домодедово человека опять убили. И приписали, что дополнительная информация будет позже. Раз так пишут, значит, дело серьезное.

– И что?

– Я тут вспомнила. Помнишь, недели две назад пенсионеров расстреляли? Там же, на М-4?

– Уроды, мать их, – проворчал Федор.

– Ну вот я и хочу попросить. Ты если узнаешь какие-нибудь слухи-сплетни дорожные, дай мне знать, а? У тебя ж армия последователей.

– Пряма армия, – отмахнулся Федор.

– Я только недавно твои группы в соцсетях проверяла, у тебя там тысяч пятьсот подписчиков.

Брат вздохнул:

– Это все диванные стритрейсеры. Если посчитать реальных пацанов, которые болеют делом, кто готов задницу под-

нять – смело дели на десять. Но я попробую, если тебе так надо.

– Надо, – кивнула Света. – Анжелка сто процентов в тему вцепиться тоже. Если я нарою что-нибудь дополнительное, буду писать одна.

Федор покосился на сестру.

– Я смотрю, ты у него в любимчиках уже. Сначала цикл про город поручил, на прошлой неделе рекламу тебе дал... Редактор твой к тебе там не подкатывает случаем?

– Не говори глупости, – Света зарделась. – У него жена.

– У твоего Лёни тоже была жена, когда...

Света отвернулась. Федор осекся и вздохнул:

– Прости.

Через минуту мощное прокаченное авто притормозило около школы. Ребятня во дворе провожала сначала ее, а затем довольно Пашку завистливыми взглядами. А «Ниссан», сорвавшись с места и быстро домчавшись до кольцевой, устремился в сторону Каширского шоссе.

С утра в УВД Домодедово Бегин успел лишь глотнуть кофе, когда в дверях нарисовался Стасин.

– Есть! – выдал он. Бегин не бросился с распросами, и Стасин, смущенно кашлянув, вынужден был пояснить: – Мы с женой второй жертвы пообщались. Она из Твери при-

ехала. Показали ей вещи Африна.

– И?

– Оказалось, что мы поторопились, решив, что у него ничего не взяли. Жена заявила, что у него с собой был планшетный компьютер и банковская карта.

– Звонили на склад, где он работал?

Стасин на секунду замешкался.

– Пока нет... Но даже если он вдруг планшетник на работе оставил, кто карту бросает? Хотя мы уточним, конечно.

– Она сказала, сколько было на карте?

– Говорит, около сорока тысяч. Плюс-минус.

– Негусто, – отметил Бегин. – Но учитывая, что у пенсионеров вообще только старый сотовый взяли... В общем, посылай человека на склад. Скорее всего, планшетника там нет. Он был с сим-картой? – по лицу Стасина Бегин понял, что про сим-карту тот спросить тоже не додумался. Профессионалы экстра-класса... – Понятно. Срочно звони ей. Если планшет был с сим-картой, срочно пробивать ее через сотовые компании. Поручение я напишу. Это на первом месте сейчас. Все понял?

– А карта?

– С банком уже связались?

– Африна при мне позвонила. Карта уже заблокирована. Пока никто не пытался ее оприходовать, сигналов из банкоматов не было.

Опера из местного отдела угонов, итак постоянно рабо-

тавшие в тесном контакте с дорожными службами Москвы и Подмосковья, еще накануне раздобыли записи со всех камер наблюдения на пути от Северо-Западного административного округа столицы до места убийства Африна на 45-м километре трассы М-4. Десятки и сотни камер. Тысячи часов однообразного видео с потоком машин. С учетом, что силовики знали ориентировочное время убийства, а значит, и прохождения машины Африна по дорогам Москвы, объем сократился до приблизительно 300 часов.

Результат появился во второй половине дня. Бегин подъялся в отдел угонов, где шустрый Головин и медлительный мрачный Шахов показали ему отобранные фрагменты.

– Записи мы собрали не только с полицейских и гаишных камер, – трындел Головин, активно пиаря свое трудолюбие перед важняком из Москвы. – Со всех заправок и придорожных кафе. Вчера до ночи на ногах были. В итоге вот что.

Шахов щелкал мышкой, сидя за компьютером. В нужный момент он кивнул на монитор:

– Это он.

Черно-белая, но с хорошим разрешением камера засекла серую «киа», которая шустро двигалась по оживленной ночной улице в потоке машин.

– Вот Африн выезжает из Выхино-Жулебино. Вот другая камера, он же.

– Номера машин, которые следуют за ним, пробили? – вмешался Бегин.

– Начали, – Головин вздохнул. – Их там до хрена, так что сами понимаете. Нужно время.

– Вот Африн заезжает на заправку, – комментировал Шахов, щелкает мышкой. – Так, тут он пару минут стоит, ждет очереди. Заливает бензин.

– Остальные проезжают мимо, – отметил Головин. – Никто не тормознул, не съехал в обочину, чтобы подождать. Вряд ли за ним был хвост.

Внимательно наблюдавший за картинкой Бегин ввернул, не оборачиваясь:

– Если это была не засада, и Африна вели от города, то эти парни должны про камеры наблюдения знать больше твоего. Камеры есть на каждой заправке. Об этом знают все. Особенно те, кто убивает людей на дорогах.

Головин заткнулся.

– Через двадцать минут, – прокомментировал Шахов. – Вот его «kia» уже на Каширском шоссе. Поток небольшой. Все номера переписали, пробиваем по базе и сверяем с данными с остальных камер. Будут совпадения, сразу сообщим. – Не дождавшись ответа, он щелкнул мышкой и включил другой файл с картинкой с камеры наблюдения на посту ДПС на трассе М-4. – Это последняя точка, где Африна срисовали камеры.

Камера снимала машины сзади, чтобы даже ночью иметь возможность фиксации регистрационного номера. Серая «kia» со средней скоростью шла по крайней полосе, уходя

в темноту. Сзади двигалась внушительная фура с прицепом. Через четверть минуты она закрыла из вида автомобиль Африна.

Бегин взглянул на цифры в низу монитора.

– Тридцать пятый километр трассы «Дон».

– Всего в десяти километрах от места убийства, – добавил Головин.

Остаток дня Бегин посвятил бумажной работой, отписывая необходимую документацию по уголовному делу. Назначения на экспертизы, поручения. На его стол пачками ложились рапорта, которые он подшивал в папку. Та росла на глазах.

Утром в кабинете Лопатина подбивали результаты прошедших суток.

– Планшет Африна и сотовый телефон Пыжовой, – шуршал бумажками Наумов. – Ни одно из устройств отследить так и не удалось. Вот распечатка с данными по планшетному компьютеру Африна. Сигнал пропал в радиусе сорока-пятидесяти метров от места преступления.

– То есть, они вырубили технику сразу, как прыгнули в свою машину и смылись оттуда, – кивнул Лопатин. – Что кстати с транспортом?

– Мы определили все машины, которые проезжали по трассе в близкий к моменту убийства отрезок времени, – подал голос опер из отдела угонов, которого Бегин пока не знал. – Проверили их владельцев. Все данные у нас. Без-

результатно, в общем.

– А если подробнее?

– Судимых нет. Половина неместные, из соседних с московским регионов. С остальными поговорили коллеги из Москвы. Двое предоставили записи со своих видеорегистраторов, сейчас их тоже изучаем.

Бегин задумчиво перебирал пальцами шариковую ручку. Перспектива вырисовывалась безрадостная.

– Список всех мобильных телефонов, которые находились в то время в нашем квартале, проверили?

Опер из отдела угонов выглядел виновато.

– Никого нового. Водители тех машин, с которыми мы уже говорили, или их пассажиры. В основном подруги, жены, дети.

– Ладно, – вздохнул Бегин. – Давайте копать шире. В радиусе пятидесяти километров оттуда целая сеть придорожных заведений. Кафешки, магазины, заправки. Озадачим участковых, пусть помогают. Нужно изучить личности сотрудников этих заведений. Судимые, подозрительные, те кто проходил по оперативным донесениям и наводкам.

Лопатин кивнул тем, кому считал должным поручить это.

– А еще я думаю по поводу похищенной электроники, – продолжал Бегин. – Старый мобильник, дешевый планшет... Это явно не стоит того, чтобы убивать. Пара прогулок по темным улицам, и навар больше будет без всякой мокрухи.

– Но факт остается фактом, – ввернул Лопатин. – Думаете, они их берут, чтобы нас запутать как-то? И потом просто выбрасывают?

– Может быть, – Бегин поколебался, перед тем как продолжить. – Или здесь что-то другое. Например, в качестве своеобразного трофея.

Он заметил, как некоторые опера переглянулись. Очевидно, решили, что у следака не все дома, раз он бредит, словно насмотрелся американское кино про маньяков.

Бегин не бредил. С таким он уже сталкивался.

Глава 4

Лопатин работал в УВД до позднего вечера. На завтра решено было назначить пресс-конференцию по убийствам, так как столичная пресса буквально атаковала специалистов по связям с общественностью в главке МВД и в ГУВД области. Общаться с журналистами решил сам Лопатин. Но руководство, позвонив под вечер, настоятельно порекомендовало пригласить и Бегина. «Мы должны показать, что наши ведомства работают рука об руку, вместе, ноздря в ноздю. Перетягивать сейчас одеяло на себя – не самая хорошая идея», – услышал Лопатин из динамика рабочего телефона.

Эта перспектива ему не нравилась. На то были свои причины. Причин было много. Домодедово – не настолько большой город, и многие вещи, происходящие здесь, во что бы то ни стало должны сохранить свой статус внутренних процессов. Бегин угрозы не представлял, по крайней мере пока. Но за последние два дня полковник услышал сразу несколько «звоночков» со стороны пришельца, которые ему не понравились.

Чего стоит хотя бы отказ поселиться в гостинице, которой управлял осведомитель Лопатина. А номер был нашпигован качественной прослушивающей аппаратурой – чувствительной, с шумоподавлением и прочими наворотами. И все коту под хвост. Переживать пока было не из-за чего. Но как шеф

УВД города Лопатин должен был всегда контролировать ситуацию. Если бы не эта привычка, он не стал бы тем, кем стал.

Поэтому, когда Лопатин наконец спустился вниз и, кивнув водителю, уселся на заднее сиденье своего дорогого служебного авто, он достал сотовый и набрал знакомый номер. Автомобиль вырулил с просторной территории внутреннего двора управления и взял курс на юг, к коттеджу полковника.

– Это я, – сказал Лопатин. – Как ты? А, ну хорошо. У меня к тебе дело есть. Нам тут человечка из центрального СК прислали... В курсе уже? Это хорошо. Можешь узнать за него по своим каналам. Да что всегда. Кто такой, с чем его едят. Что, зачем и когда.

Услышав ответ, Лопатин сообщил, что будет ждать звонка, и отключился.

Огонь, извиваясь клубком обжигающих змей, трещит лишь в метре от его головы.

Боль пронзает все тело. Он пытается привстать, но сломанная в предплечье рука лишь ишмякается об ламинат и запрокидывается в сторону, скользя по заливающей пол крови. Он пытается подтянуть правую ногу, но сломанное колено не оставляет никакого шанса. Пытается овладеть второй. Бесполезно – перебитые воспаленные нер-

вы не дают подчинить эти двадцать килограммов кости и плоти своей воле. Нога, живя собственной жизнью, бьётся в произвольных конвульсиях. Агония такой силы, что от каждого удара по полу ломаются ногти.

В невидящих, разбитых и залитых кровью глазах стоит картина, которую он видел перед тем, как утратил возможность видеть. Животное с золотыми резцами на верхней челюсти, скалясь, склоняется над распластанной на полу Леной и тянет к ней покрытую синими узорами костлявую лапу. Тянет к ее груди. Лица Лены он не видит – ее голову загораживает проклятая тумбочка. Из-за тумбочки, петляя, как горный серпантин, выползает змеей струйка багровой крови.

ЛЕНА?!

Полыхающий мозг, близкий к полной отключке от болевого шока, не соображает уже ничего. Мозг агонизирует от боли, о существовании которой никогда раньше даже не догадывался.

Струи крови заливают лицо, стекая из разбитого черепа по волосам и коже лба, по рассеченным до кости бровям прямо в глаза. Он не видит ничего. Но инстинкты еще работают. Он знает, где он. И знает, кто рядом. Он даже чувствует жар, который все ближе и ближе.

НЕТ! ЛЕНА!

Он пытается кричать. Но эти слова рёвом звучат лишь в его голове. Из разорванного рта вместе со струей кро-

ви и двумя выбитыми зубами вырывается лишь животный, словно потусторонний, бессвязный хрип. Кровь смешивается со слюной и пузырится, капая на костлявую изувеченную переломанную руку, которую он уже не чувствует.

ЛЕНА! НЕТ!

Жар все ближе. Начинаются плавить волосы. Несмотря на боль во всем теле, от разбитой головы до переломанных ног, он чувствует огонь воспаленной кожей. И его накрывает такая волна первобытного ужаса, что из груди вырывается истошный звериный вой...

...Из кошмара Бегина выдернуло так сильно, что он упал с промокшей насквозь от его холодного пота кровати на пол.

Из груди отбойным молотком рвалось сердце. Бегин машинально отшатнулся, отползая назад, пока не уперся спиной в холодную стену. Его глаза дико вращались, натыкаясь то на старую кровать, то на разошедшееся сквозящее окно без штор, то на покосившийся древний шифоньер. Он был на холодном полу – один в погруженной в полумрак комнате, в которую через мутное заляпанное оконное стекло заглядывал далекий безразличный полумесяц.

Это был сон.

Сердце бешено колотилось в груди. Бегин дышал так тяжело, что задыхался. Он поднял руки и, словно не веря первым ощущениям, посмотрел на свои ладони. Руки слушались.

Это был сон.

Бегин подтянул ноги и уронил голову на колени. Сидел, закрыв глаза, пока не восстановится дыхание. После чего отправился на кухню. Не включая свет, открыл холодильник. Пара бутылок пива одиноко жались друг к другу на верхней полке. Открыв одну, Бегин тяжело опустился на стул и закурил.

Если бы не выпивка, этот кошмар мучал бы его каждую ночь. Единственным спасением было напиться до беспамятства и уснуть. Но Бегин не мог делать это каждый день. Его воротило от алкоголя. Но это был шанс убежать от кошмара, который следовал за ним по пятам. День за днем, год за годом...

...Последние одиннадцать гребаных лет.

А потом завибрировал сотовый телефон, с вечера валявшийся здесь же, на кухонном столе. Бегин не спешил взять трубку. А когда взял, даже не посмотрел, кто звонил. Ему было наплевать.

– Слушаю.

Из телефона донесся голос Рябцева.

– Мне велели позвонить. Одевайтесь, я буду минут через десять. У нас новый труп.

Глава 5

Где-то далеко-далеко на севере дрожало зарево – там был мегаполис. Предзассветная тьма над трассой, словно собирая все свои силы перед смертью, сгустилась в непроницаемую черную мглу. Вдоль трассы М-4 тянулись деревья, их огромные черные силуэты исполинами безмолвно наблюдали за горсткой машин с вразнобой моргающими проблесковыми маячками на крышах.

Криминалист, подсвечивая себе мощным фонарем, начертил кружок мелом вокруг гильзы на асфальте. Яркая вспышка фотоаппарата. Бегин подождал, когда он закончит. Подойдя, карандашом поддел гильзу, поднял и, направив луч фонарика на металлический цилиндр, внимательно ее изучил. Серийного номера на болванке от пули 9 мм не было. Судя по следам, поработали напильником.

В обочине за одиноким «Опелем», который стоял на асфальте с распахнутой дверцей, шарили лучи десятка фонарей. Поросший травой участок между трассой и лесным массивом прочесывали люди в форме.

Бегин посветил внутрь салона «Опеля». На пассажирском сиденье лежали какие-то бумаги.

– Что за документы?

Стасин ежился и курил, пытаясь отогнать сон. Глаза красные от недосыпа.

– Связаны с бизнесом. Убитого звали Егор Сергеев. Он был владельцем кафешки «Каламбур». У нас, в Домодедово. Его наши сразу опознали, как увидели, – Стасин покачал головой. – Я пару раз бывал там. Пацан приветливый был, простой такой. Да и молодой, лет тридцать всего...

– Кто обнаружил?

Стасин кивнул назад. Около фургона дежурной части один из оперов говорил с растерянным и помятым мужичком, делая пометки в блокноте.

– Ехал в Москву на своей «Газельке», чтобы в рейс выйти. Он водитель маршрутки. Увидел машину брошеную. Осмотрелся. Потом заметил гильзы. Сообразил, что дело дрянь, и сразу позвонил. Примерно час назад.

К машине осмелился подойти Рябцев. Начальства на месте преступления не было. Молча пожал руку Стасину. Бегин тем временем пошарил лучом фонаря по асфальту, высветил переднее колесо. Оно было спущено.

– Колеса – как всегда?

– Оба передних проколоты, – мрачно подтвердил Стасин. – В правой шине «куриная лапа» так и осталась, застряла.

– Где труп?

Стасин молча указал в обочину, где стайкой светлячков шарили лучи фонарей. Бегин шагнул туда, обронив Рябцеву:

– Поможете?

Рябцев ожидал этого меньше всего. Но без слов подчинил-

ся. Вдвоем они спустились по насыпи вниз и по траве направились к коллегам, изучающим погруженную во тьму землю вдоль дороги. Бегин шел неспеша, водя перед собой фонариком и высвечивая путь. Чем ближе они приближались, тем понятнее было, куда идти. Впереди вырисовывались силуэты трех человек с фонарями, столпившихся вокруг чего-то темного в траве. Тело убитого. Когда они подошли, его осматривал судмедэксперт.

– Мы не трогали ничего: как лежал, так и лежит, – сразу поведал он. – Вас ждали.

– Сколько пулевых?

– Три в спину, – судмедэксперт направил луч фонаря, чтобы Бегин увидел бурые и влажные еще кровавые пятна на спине жертвы. – Одна в голову.

– В упор?

– Метров с пяти, не меньше.

Бегин покосился на Рябцева.

– Как только он вышел, бандиты открыли огонь. – Этот мужик, Сергеев, оказался парнем с реакцией. И побежал в лес. Хотел скрыться за деревьями. Но они его достали. Что скажете?

Рябцев сначала не понял, что от него хотят. Обернулся назад, потом взглянул на тело убитого в десяти метрах перед ними.

– Темнота. На дороге светлее, свет фар, но от этого здесь еще темнее. Глаза не могут так быстро адаптировать-

ся. Стреляли на бегу, по движущейся цели. Плюс стрессовая ситуация... Они неплохо стреляют.

– Очень хорошо стреляют, – поправил Бегин. – При таком раскладе не каждый снайпер цель снимет.

Открывая папку, Бегин замер, обратив внимание на руку поверженного на грудь Сергеева. Она была запрокинута в сторону и чуть вверх. Бегин склонился, чтобы разглядеть ладонь. При ближайшем рассмотрении оказалось, что к коже указательного пальца прилипла тоненький изогнутый кусочек сухого листа какого-то растения.

– Что там?

Бегин не отреагировал на вопрос криминалиста. Обернулся и принялся шарить по траве – там, куда словно указывала рука Сергеева. Рябцев и криминалист переглянулись. Когда Бегин сделал шаг в темноту, Рябцев двинулся за ним.

– Что ищите?

Вместо ответа Бегин склонился вниз. Рябцев, раздираемый от любопытства, заглянул через его плечо и увидел, как Бегин аккуратно, двумя пальцами, поднял из травы находку. Свернутый треугольником прямоугольник из газетной бумаги. Квадратная часть была сложена дважды, и в получившийся бумажный треугольный кармашек, как клапан, была просунута оставшаяся полоска бумаги.

– Забавно, – сказал Бегин. – Смотри, какая форма. Так в годы войны фронтовики письма домой складывали. Не было конвертов.

Он чуть поводил свертком из стороны в сторону. Внутри шуршало содержимое.

– Знаете, что там?

Озадаченный, Рябцев кивнул.

– Догадываюсь. Анаша.

Работа на месте преступления продолжалась вплоть до восьми утра. Все вещдоки – гильзы, одна из пуль, все-таки не попавшая в цель и пролетевшая мимо Сергеева, чтобы вонзиться в ствол растущего всего лишь в нескольких метрах впереди дерева, «куриные лапы» и прочее – были описаны, сфотографированы, упакованы, пронумерованы и отправлены в город. Рябцев раздобыл для Бегина кофе – термос с горячим напитком обычно был в фургоне дежурки – чтобы тот мог сделать все, что нужно: протокол осмотра, схема места преступления, сразу же направления на необходимые экспертизы. Под утро на трассе появился и Лопатин, а с ним пара человек из пресс-службы. Бегин по его просьбе поднялся на дорогу и отошел к машине полковника.

– На сегодня назначена пресс-конференция, – поведаль он. – Она пройдет у нас, в Домодедово. Это совместная инициатива наших и ваших. Нужно и ваше присутствие. Если раньше можно было думать, стоит или не стоит, то сейчас у нас уже три эпизода и четыре труп. Народ будет сплетни-

чать и паниковать, к гадалке не ходи. Надо их всех как-то успокоить. Паника в Подмоскovie никому из нас не нужна.

– Я понимаю.

– Так что по поводу пресс-конференции: подумайте, что сказать, если и к вам будут какие-то вопросы, хорошо? Общие слова, ничего конкретного, бла-бла-бла.

– Само собой.

– И еще, – продолжал Лопатин. Мне звонили из нашего главка. Дело принимает нехороший оборот, поэтому они решили создать второй штаб. Он будет размещаться у нас в областном УВД. Следователи из комитета там тоже будут, пока не знаю, кто. И судя по всему, этот штаб будет координировать самое высокое начальство.

Бегин нахмурился. Такой поворот ему не нравился. Но ничего не попишешь.

– Спасибо за информацию. Как только вернусь, я позвоню своим и узнаю, что теперь от меня нужно.

Лопатин кивнул. И так вышло, что его взгляд упал на ноги Бегина. Лицо Лопатина вытянулось.

– Твою мать... – невольно выдохнул он. – У вас... кровь.

Бегин посмотрел вниз. Его левая нога была распорота какой-то сухой веткой где-то там, внизу, в обочине. Багровая пропитанная кровью штанина, порванная по диагонали – от лодыжки до колена – облепила ногу. Тонкая струйка крови стекала по ботинку на асфальт. Рана была глубокой.

– Б... дь, – растерянно пробормотал Бегин.

Справились своими силами, несмотря на то, что Лопатин настаивал отвезти Бегина в травмпункт. Рана была довольно глубокой. Ее как следует продезинфицировали подручными средствами – бутылочкой спирта – и перевязали. Судмедэксперт, выполнявший роль скорпомощника, был озадачен, заметив, что на лице Бегина не дрогнул ни единый мускул, когда открытую глубокую рану обильно поливали спиртом. Любой другой от этого взвился бы, как уж на сковородке.

По пути в Домодедово пришлось заезжать во временное пристанище Бегина – нужно было сменить брюки. В пути Рябцев настороженно косился на Бегина, большую часть дороги хранившего молчание.

– Больно? – наконец решился Рябцев.

– Переживу как-нибудь.

– Что думаете по убийствам? Они совсем обнаглели, да? С предыдущего два дня всего прошло. Вошли во вкус, уроды. – Бегин молчал, и Рябцев продолжил, чтобы заполнить пустоту: – Надо бы народ предупредить. А то ездят и не знают ничего.

– Предупредим, конечно. Только это ничего не даст.

– Почему?

Бегин протяжно вздохнул.

– Потому что люди не осознают опасности, пока это не коснется лично их. Так было всегда, и всегда будет. Человек так устроен. За последние двадцать лет на трассах и автострадах страны было убито столько человек, сколько поги-

бает в войну. Сейчас не девяностые, конечно, но... вы сами все видели.

– Все мы привыкли жить так, как живем, – пожал плечами Рябцев. – Привыкли к спокойной жизни. Это не так плохо.

Бегин усмехнулся.

– Да вот только спокойной жизни не существует. Никогда не существовало. В советские годы человек жил, не подозревая, какие звери ходят иногда рядом с ним. Сейчас об этом трубят во всех газетах, в интернете, по ящику. Но человек продолжает жить, свято веря, что этот ужас никогда не коснется его лично. А параллельно с нами живет такое, что не укладывается в черепную коробку простого человека. Поэтому он делает вид, что этого просто нет. Живет в своем мирке. Привычная спокойная жизнь – просто иллюзия. Ловушка для дурака.

В этот момент опешивший Рябцев начал подозревать, что перед ним псих. Он промолчал. Бегин отвернулся в окно. Машина двигалась по Каширскому шоссе, приближаясь к Домодедово. В обочине стояла машина. Две девушки фотографировались на сотовый телефон на фоне дороги и весело хохотали. Бегин проводил их взглядом, пока они не исчезли где-то позади.

– Человек верит, что вокруг цивилизация, порядок и безопасность, – задумчиво сказал Бегин, разговаривая скорее сам с собой, чем с Рябцевым. – Он забывает, что вся история этой самой цивилизации – это история геноцида человеком

самого себя. А вся наша так называемая жизнь — это спокойные посиделки с чаем и плюшками в горящем доме. Который в любой момент может обрушиться к чертям и похоронить всех глухих и слепых под полыхающими завалами.

Глава 6

Встреча с журналистами проходила в конференц-зале УВД Домодедово – как догадался Бегин, бывшем «красном уголке». Здесь были репортеры и фотокорреспонденты из интернет-изданий, газет, а также работники нескольких телеканалов – судя по микрофонам, которые на столе во главе зала закрепили деловитые операторы со скучающими лицами, среди них были и главные каналы страны. Значит, убийства уже вызвали резонанс.

– ...Объединенный штаб, в который вошли представители оперативных служб города и области, сотрудники следственного комитета, личный состав управления уголовного розыска УВД Домодедово и другие подразделения, – бубнил Лопатин, ежесекундно сверяясь с бумажкой. – В настоящее время отрабатываются самые различные версии. Проводится комплекс оперативно-следственных действий, направленных на выяснение всех обстоятельств совершенных преступлений. Назначено проведения ряда экспертиз, в том числе судебно-медицинской, биологической, трассологической и баллистической. – Лопатину стало заметно легче, когда незамысловатый дежурный текст на бумажке закончился. – И вот, как бы, это пока все, что мы можем вам сообщить.

Репортерам было мало.

– Скажите, какое точно количество убийств уже произо-

шло?

Лопатин заерзал.

– На нашей территории на данный момент произошло три преступления.

– Вы подтверждаете, что это серия?

– Мы отработываем все версии, – выкрутился Лопатин и повторил для убедительности: – Пока это все, что я могу сказать.

Следующий вопрос был от бойкого парнишки.

– В интернете сегодня появилась информация, что правоохранительные органы скрывают точное количество убийств. Что на самом деле их намного больше. Около десяти. Как вы можете это прокомментировать?

– А вы больше интернет читайте, – проворчал Лопатин. – Я вам только что озвучил официальную информацию. У нас три преступления. Серия это или нет, следствие покажет.

– Стоит ли жителям Москвы и Подмосковья вообще ездить в ночное время по трассе М-4 «Дон»? Насколько это опасно?

– Послушайте, – Лопатин чувствовал, куда клонят журналисты, и ему это категорически не нравилось. – Главное: не нужно нагнетать панику. С сегодняшнего дня на участке трассы М-4 дежурят усиленные наряды полиции. Мы делаем все, чтобы найти преступников в кратчайшие сроки. Ситуация под контролем.

Поднялся другой репортер.

– Что вы можете сказать о мотивах преступлений? Вы можете их назвать?

– Оперативно-следственные действия проводятся в полном объеме, – Лопатин, как и все в такой ситуации, работал в режиме дежурных фраз, заученных за годы службы назубок. – Мы выясняем мотивы и работаем над установлением личности преступников.

– В сети появилась информация, что убийства немотивированные. Якобы бандиты просто расстреливают людей и все. Вы можете подтвердить или опровергнуть это?

– Это уже детали следствия, которые мы пока не вправе разглашать, – прорычал Лопатин.

– Но что вы можете посоветовать водителям, которым ночью нужно выехать за город? Как им себя вести, если произойдет что-то... нехорошее?

Этот вопрос задала хорошенькая журналистка, миловидная, лет 30—35, с усталыми глазами.

У Лопатина завибрировал телефон. Мельком глянув на дисплей и узнав номер, Лопатин сбросил звонок. Но пока он отвлекался, Света обратила свой взор на сидевшего в президиуме, но хранившего молчание с начала пресс-конференции.

– Может, вы? Вы ведь представитель Следственного комитета?

Бегин поколебался перед ответом.

– Трасса М-4 «Дон» одна из крупнейших в России. Только

на участке в Московской области она имеет протяженность в 110 километров. Нереально поставить по наряду полиции через каждые десять метров...

...Лопатину во время пресс-конференции звонил его человек из Москвы, которого накануне он просил об одолжении. Когда все закончилось и машины со столичными журналистами покинули территорию перед зданием УВД – Лопатин следил за ними в окно – он достал сотовый и набрал номер.

– Это я. Ну что, узнал что-нибудь про этого Бегина?

– Как тебе сказать... Помнишь, пару лет назад было громкое дело. Банда расстреляла семью военного на трассе под Ростовом? Слышал, наверное?

– Конечно, – удивился Лопатин. – Каждый слышал, кто не в танке.

– Дело раскрыл старший следак по особо важным делам Бегин. Было и другое громкое дело, четыре года назад. Банда убийц на Урале, которые порешили человек тридцать таксистов. Всех хоронили в братской могиле на заброшенном заводе. В городе была такая паника, что таксисты месяц отказывались выходить на работу. Трубили об этом все газеты и каналы. Их нашел Бегин. Его послали в тот город по личному приказу главы Следственного комитета.

– Он так крут?

– Не знаю, насколько он крут. Я знаю, что в конторе он считается лучшим по части серийных преступлений на до-

роге. Это его специализация, Сереж.

...Федор никогда специально не смотрел новости. У него была насыщенная жизнь, которую он любил, а политика, экономика и все остальное в круг его интересов не входили совершенно. Но так вышло, что в этот день, вернувшись домой поздно, он решил усесться в гостиной и потыкать кнопки пульта. День был трудный, Федор умудрился сегодня уладить часть организационных вопросов с автопробегом и восстановить прерванные поставки запчастей в его магазин. И вечером хотелось «потупить» в экран и ни о чем не думать. Именно в такие моменты он периодически и включал «зомбоящик».

И так вышло, что уже после второго нажатия кнопки переключения каналов он услышал голос родной сестры – Светы:
– Но вы не ответили на мой вопрос.

На вопросы отвечал худой, в костюме без галстука, хмырь со впалыми щеками и глазами человека, который словно живет в двух мирах – этом и запредельном. Федор нахмурился и добавил звук.

– Все, что я могу посоветовать, вы увидите в скором времени в памятке, которую уже готовят мои коллеги из полиции Домодедово. Эти советы, в общем-то, универсальны. Выдвигаясь в дальнюю поездку, заправляйте машину до полного бака. Имейте с собой устройство для телефона и фонарь, желательно яркий и мощный. Если вы попали в опасную ситуацию, паниковать нельзя ни в коем случае. Следу-

ет любимыми способами – даже, если у вас проколото колесо – продолжать движение до ближайшего людного и освещенного места. И всеми возможными способами привлекайте внимание. Включите дальний свет, передние и задние противотуманки, аварийку. И непрерывно жмите на звуковой сигнал...

Мысленно Федор отметил, что хмырь из телевизора дело говорит. Тем временем картинка сменилась. Теперь на экране телевизора возник репортер с микрофоном, стоящий на фоне уходящей вдаль шумной автостреды.

– Между тем операция по поиску банды убийц, действующей на территории Подмосковья, набирает обороты. На постах ГИБДД усилены наряды, полиция переведена на особый режим несения службы. Поможет ли это...

Внизу появился титр с фамилией журналиста. Поняв, что ничего нового он не услышит, Федор выключил телевизор. Задумался. Его мысли полетели далеко, сквозь пространство и время, в тот день, когда человек в форме пришел к ним, Феде и Свете, совсем тогда зеленым еще подросткам, чтобы сообщить про отца...

Федор живо вскочил с дивана и двинулся к ноутбуку. Открыв его, щелкнул ярлык поисковика и начал вводить запросы.

Ему были нужны подробности.

Федор еще не знал, что очень скоро все остальное уйдет на второй план.

Рябцев устало растянулся на диване. Спина болела, а ступни ныли. Он был на ногах и за рулем – большую часть времени именно второе – больше пятнадцати часов.

– Размять тебе спину?

Вместо ответа Рябцев лишь перевернулся на живот. Вика взгромодилась рядом и принялась массировать его спину в районе шеи и плеч. Рябцев закатил глаза от удовольствия и даже издал похожий на стон звук.

– Как эти люди за баранкой сутками сидят? Им памятник поставить надо.

– Ты о ком?

– Ну, все эти люди. Дальнобойщики всякие там, или... Чуть посильнее можешь? Вот так, да. Где я сегодня только не был. В Москву два раза мотался. Там второй штаб открыли, и этот следак теперь там отчитывается. Пониже. Вот здесь, да. Хорошо...

– Как у вас с ним?

Рябцев вздохнул.

– Этот чувак чокнутый. Он все время молчит. А когда открывает рот, то понимаешь, что лучше бы молчал и дальше. Побухивает. А учитывая... Знаешь, сегодня он ногу до кости распорол, кровищи было – мама не горюй. А чувак даже не дернулся. Я начинаю думать, что он вообще без башки.

Или наркоман, может? – Рябцев мысленно прикинул варианты и тут же отмел версию. – Да не, бред. Это же следственный комитет, там не могут упырей держать.

– Тебе с ним детей не крестить.

– Надеюсь, – хохотнул Рябцев.

Вика, подумав, добавила:

– Но ты можешь воспользоваться.

– Чего?

– У тебя остались связи, знакомые. Ты ведь оперативником был тысячу лет, всех в городе знаешь. Сейчас ты не прикован к архиву, ты на машине. Можно обернуть это себе на пользу. Узнать что-нибудь. Разведать. И выгодно подать этому чокнутому.

– Хм. – Рябцев задумался. Толика здравого смысла в ее словах была. – Ну не знаю. Можно попробовать. Типа подсуетиться, да? Не знаю даже. Надо подумать.

Вика продолжала массировать его спину. Поднялась выше, к плечам. Рябцев снова закатил глаза, стараясь отключиться от всего. Но карты легли по-другому.

– Володь, – вкрадчиво начала Вика. – Нам сегодня шеф объявил про корпоратив.

– Чего?

– Ну, в честь годовщины фирмы. Десять лет. В кафе будем проводить.

– Круто. А теперь повыше. Тут, ага...

– Сказал, что все должны прийти с семьями, – продолжала

Вика, стараясь говорить деликатно. – С мужьями, с женами.

Все расслабление Рябцева как рукой сняло.

– Не пойду я никуда.

– Володь!

– Что значит «прийти с семьями»? На вашего дебила и самодура работаешь ты. Не я. Я ему не подчиняюсь. Мне своих дебилов на работе хватает.

– И что? – Вика не рассчитала и передавила мышцу на спине Рябцева, отчего тот невольно вскрикнул. – Ой, прости. Я говорю, и что, я одна там как дура без мужа буду? Все с семьями придут.

– Твою мать... И что я там буду делать?

– А что все делают на вечеринках? Есть, пить, общаться. Там будут разные люди, у нас коллектив большой. Наверняка и знакомых встретишь каких-нибудь. Домодедово не такой уж большой город.

Рябцев начал вставать, давая понять, что сеанс массажа закончен. Лицо было хмурое и отчужденное.

– Володь, что не так?

– Все нормально, – буркнул он. Вика перехватила его за руку и повторила вопрос. Но по выражению его лица она и сама догадалась, в чем дело. – Это... Это из-за той истории?

– Да, из-за той истории, ты блин гений!

– При чем здесь?!

– Действительно, – саркастически прорычал он. – Ты на-

ставляла мне рога с кем-то, кто может оказаться кем угодно в вашей долбанной шарашке! И вот он я, приперся. «Смотрите на мои рога – как вам, нравятся? Сам растил!».

Этот момент был самым трудным для Рябцева. Полтора года назад, когда Вика изменила ему, после нескольких дней пьянства и жалости к себе Рябцев решил – а как иначе?! – найти и проучить козла, покусившегося на его жену. Когда ты работаешь в правоохранительных органах, многое становится решаемым. И уже через сутки у него на руках была распечатка звонков с сотового телефона Вики. Оказалось, что мобильник любовника был выключен с того самого дня. Вика предупредила его. Да, она хорошо знала мужа – и то, на что Рябцев был способен в ярости. Возможно, в тот день она спасла неизвестного любовника от увечья. Рябцев пошел дальше и поднял данные на владельца сим-карты, с которой пришло злополучное СМС. Здесь его и ждал первый сюрприз. Оказалось, что симка была оформлена... на Вику. Рябцев не сдался. Он пробил последние адреса, на которых находился сотовый телефон с этой сим-картой во время активности. Но и здесь результат был практически нулевой. Первая координата – офисное 10-этажное здание, где располагается офис Вики и еще пары дюжин самых различных фирм и компаний. Вторая – кафе.

После примирения Рябцев пытался выпытать у Вики хоть что-то. Она повторяла как заведенная лишь одно: «Все это в прошлом. Больше никогда. Давай забудем. Обещаю те-

бе...». Единственное, что Рябцев сумел выяснить – имя. Вадим. И больше ничего.

Даже сейчас, по прошествии почти 18 месяцев, именно это терзало Рябцева больше всего. Он понятия не имел, кто спал с его собственной женой.

Вика протяжно выдохнула, набираясь терпения.

– Никто ни о чем не знает. Это... Володь, я сто раз говорила. Это было один раз. Давным-давно. Я ни с кем не трепалась. Он работал в другой конторе. Сейчас он там давно не работает. Я думала, мы закрыли эту тему!

Рябцев начинал закипать.

– Может, и закрыли! Когда мы дома. Вика, по-хорошему, любой другой мужик начистил бы тебе рожу и ушел нахрен. Так? Так, и не говори, что не так! Я все проглотил. Я всё проглотил! – он зло ткнул в Вику пальцем. – Но идти посмешищем в твою контору – «смотрите на меня, вот тот самый шут, об которого можно вытирать ноги!» – это хрен! Ясно? У меня есть самоуважение. Не нравится – твои, б... дь, проблемы. Так своему драгоценному шефу и передай!

Вика хотела поспорить, но Рябцев не дал. Он быстро ушел на спасительный балкон, проклиная Вику, себя и всю эту долбанную жизнь. Хлопнул дверью. И взялся за табак и папиросную бумагу.

Глава 7

– На поиск убийц ориентированы все службы, – докладывал один из замов Лопатина в форме с погонами подполковника. – За последние сутки мы задержали около пятнадцати подозрительных автомобилей. Водители сейчас проверяются на причастность. Наша проблема в том, что ни фотороботов, ни даже описаний преступников у нас нет.

Утром по пути в УВД Бегин видел в окно автомобиля пронесшуюся мимо колонну полицейских машин. Они были забиты битком вооруженными сотрудниками.

Полиция Домодедово со вчерашнего дня работала в усиленном режиме. Это значит сменами по 12 часов. Без выходных. Вплоть до специального приказа, отменяющего особый режим несения службы. Который может быть подписан только в одном случае. Когда банда будет поймана.

А ближе к обеду штаб собрался на очередное заседание.

– Мы проанализировали все записи с камер наблюдения, в том числе по последнему, третьему эпизоду, – лениво подключился Шахов. – Машины убитых никто не вел. Если только наши стрелки не гении наружки с большим автопарком.

– Без лирики, – поморщился Лопатин. – Нет фотороботов, так давайте плясать от того, что у нас есть. Например, оружие. Напрягите агентуру по полной. Нам нужны все раскла-

ды: ищем тех, кто продает стволы, кто ищет покупателя, кто покупает или хочет купить стволы и оружие. – подчиненные Лопатина зашуршали ручками, записывая. – Дальше... Что у нас еще есть?

Никто из полицейских не выразил желания открыть рот.

– В банде минимум трое человек, – подал голос Бегин. Все посмотрели на него. – Мы знаем, что Пыжовых расстреливали двое. Они нападают быстро, после чего им нужно быстро скрыться. Да, это ночь, трасса, там темно и мало машин в это время суток. Но все говорит о том, что они желают максимально обезопасить себя от возможного появления свидетелей: и время нападений, и почерк, и тактика. Например, пока что они нападали только на участках, далеких от населенных пунктов. Значит, должен быть водитель, готовый в любую секунду дать газу. Скорее всего, водитель профессиональный.

– Разумно, – поддакнул Лопатин.

– Пока что у нас три эпизода, – продолжал Бегин. – По времени каждое преступление происходило с часу до четырех ночи, то есть в самое глухое время суток. Не знаю, заметил ли кто-нибудь дни недели. Пока что я вижу такой распорядок: пятница, среда, пятница. Два нападения в пятницу, под выходные. Теперь для нас это дни повышенного внимания, когда с большой вероятностью может произойти очередное нападение. Но и другие дни сбрасывать со счетов нельзя.

Заместитель Лопатина покивал:

– Мы усилили посты и патрули по всему нашему участку трассы М-4.

– Этого мало. Нужно, чтобы наряды оперативников скрытно патрулировали опасные участки трассы. Время вы знаете. Начиная с сегодняшнего дня.

Бегин хорошо подумал перед тем, как продолжить.

– И еще... Стреляют они очень хорошо. Это можно проследить по каждому эпизоду. Особенно по последнему. Есть большая вероятность, что в банде могут орудовать бывшие... или действующие силовики. Военные или полицейские.

Бегин не мог не заметить, как при этих словах напрягся Лопатин...

В тот же день часа в четыре новости появились у криминалистов. Бегин отправился в ЭКЦ, где застал эксперта, звонившего ему, за компьютером.

– Есть, я нашел, – возбужденно поведал тот. – На одной из сегодняшних гильз. Провел хренову тучу анализов. И выделил все-таки следы пота ублюдка. Теперь у нас есть образец ДНК одного из них.

– Совпадения по базе?

– У нас не такая большая база ДНК. Насильники – да. С другими проблема. Но если вы возьмете нужного человека, я докажу с вероятностью 99,9 процента, что это наш парень.

Где-то неподалеку виднелась церковь. Белое строение с куполами возвышались над крышами старых натыканых друг на друга частных домов. Солнечные лучи поймали крест на куполе и, бликуя, заставили Бегина сощуриться.

Он покосился на сидевшего за рулем Рябцева. Почти всю дорогу от управления опер хранил молчание, крутя баранку. Но в этот раз решил открыть рот. Рябцев вспомнил совет жены.

– Можете курить, если хотите.

Бегин благодарно кивнул. Достал сигареты, чиркнул зажигалкой.

– Давай на ты, может? – предложил он.

– Сойдет.

– Есть мысль одна, – Бегин чуть приоткрыл окно и выдохнул дым. – Тульский оружейный завод. Он выпускает специальные патроны. Их фишка в том, что ни пули, ни гильзы после стрельбы не позволяют идентифицировать оружие, из которого стреляли.

– Слышал.

– Seriously?

– А что такого? – хмыкнул Рябцев. – Я так-то не всю жизнь шоферу, если что.

– Так что думаешь об этом?

– Спрашиваешь как опера? Или как того, кто знает мест-

ные порядки?

– Я бы послушал обоих.

Рябцев помолчал, собираясь с мыслями. Выкрутил руль. Машина свернула с широкой улицы, главной в этом пригороде Домодедово, и поползла по изрытой ямами, ухабами и колдобинами улочке. Мужик с тележкой, полной сорной травы, брел вдоль обочины. Машину визитеров он провожал таким взглядом, словно видел перед собой НЛО и не знал, с дружественным ли они визитом приперлись на эту планету.

Рябцев кивнул в окно.

– Что вы видите? – Бегин просто слушал, не собираясь отвечать и дискутировать. – Это частный жилой массив. Половине домов здесь по 60—70 лет. Старые, кривые, того гляди развалятся. Сунешься – и никогда не догадаешься, что совсем рядом большие дома, много машин и совсем другие люди. Это как два мира, которые как будто...

– Живут параллельно? – подсказал Бегин.

– Вроде того. Подмосковье – вещь своеобразная. Есть модные девчонки с гаджетами, которые ходят на тусовки в ночной клуб и жрут пиццу. А рядом лютые нелюди, которые по пьяни могут зарубить пять человек топором. В прошлом году, кстати, было такое – весь город на ушах стоял. Так что здесь возможно все. Винегрет. – Рябцев махнул куда-то в сторону. – Особенно около дороги. Я ведь раньше по угонам работал. Трассу хорошо изучил. Каширка, М-4. Там свой мир, которому нет дела до всего остального. Доро-

га живет сама по себе и подчиняется собственным законам. Понимаете, к чему я клоню? Здесь возможно все.

Бегин задумчиво кивнул.

– Так везде. Эта трасса, М-4, у нее ведь всегда была дурная слава. Не только тут, в Подмосковье. Дорога тянется через всю страну. Одна из крупнейших артерий... На южных участках трассы несколько лет назад поймали банду «амазонок» – может, слышал?

– «Амазонок»?

– Так их называли, хотя в банде было больше половины мужиков. Не спрашивай, почему. Так вот, они убили несколько десятков человек, перед тем как их поймали. Орудовали десять лет.

Рябцев покосился на Бегина.

– И как их поймали?

– Случайно. Патруль ночью заметил подозрительные рожки. Решил тормознуть и проверить. Они открыли огонь. Из полицейских выжил только один... – Бегин покачал головой. – Банда существовала десять лет, представляешь себе? Огромный кусок жизни. Люди стареют, меняются, мудреют или наоборот, рождаются и умирают. А они все это время убивали людей. И их никто не мог поймать. Потому что они работали на трассе. Сотни километров, тысячи людей и машин. Развязки, развилки, съезды... Бесконечные лабиринты из асфальта и бетона. – он усмехнулся своим мыслям. – Стоило ли нашим предкам уходить из джунглей? Все равно мы

создали себе новые.

Дом Сергеевых находился в глуши на окраине поселка. Бегина и Рябцева встретила мать убитого. Осунувшаяся женщина в черном готовилась к похоронам.

– Я инвалид, вторая группа. Егор переехать хотел. Куда-нибудь на море. Он всегда мечтал об этом. Но он жил со мной. Говорил, как я тебя брошу одну... У нас ведь не было никого. Его отец еще в девяностые умер. А теперь... – женщина потерела платочек морщинистыми костлявыми пальцами. – Теперь я одна.

Бегин не нашелся, что ответить.

Комната Сергеева была небольшой и тесной. Кровать, компьютерный стол, велотренажер.

– Вы не возражаете, если мы тут осмотримся?

– Какая теперь разница. Делайте, что хотите. Только вещи Егора... Они должны остаться. Я хочу, чтобы все осталось, как было при нем. Наверное...

Бегин сделал знак Рябцеву остаться в комнате, а сам, придерживая женщину за локоть, деликатно вывел ее в коридор.

– Ночью Егор ехал из Москвы. Не знаете, что он там делал?

– Что-то с бизнесом его, наверное. Он мне такие вещи не докладывал никогда. Да и я ничего не понимаю в этом. Вы лучше у Наташи спросите.

– Наташи?

– Его невеста. Она помогала Егору в кафе.

Оставшись один в комнате, Рябцев быстро проверил ящики компьютерного стола. Ничего стоящего. Шагнул к шкафу и пошарил на полке, проверяя в том числе между книгами. Пролистал пачку бумаг, лежавших сбоку.

Его взгляд упал на корзину для бумаг, стоявшую между столом и шкафом. И мятый фрагмент газетного листа привлек его внимание. Рябцев аккуратно выудил бумажку из урны. На ней угадывалась половина фотографии женского лица и часть газетного заголовка: «Мой муж самый...». Очередная дрянь про однодневных звезд, до которых никому нет дела. Заинтересовало Рябцева другое. Линии изгиба, по которым совсем недавно эта бумажка была сложена в треугольный конвертик. Вроде тех, в которых фронтовики в Великую Отечественную писали письма домой.

Наташу Бегин и Рябцев нашли там, где и сказала мать убитого – в кафе «Каламбур». Само заведение было типичной сельской забегаловкой с блеклой вывеской и решетками на окнах, приютившейся на пыльном пяточке у дороги на самой окраине города. Наташа, стройная девушка с бледным лицом и чуть дрожащим подбородком, расставляла стулья.

– Мы готовимся к поминкам. У Егора было много друзей, дома всех вместить нереально.

– Друзей много. А врагов?

Наташа устало посмотрела на Бегина.

– О чем вы говорите. Егор был всегда спокойный, жизнерадостный. Конфликтов никогда ни с кем не было.

– Так часто говорят. Но если копнуть, то выясняется, что так просто не бывает.

– Значит, не тех копали. Вы просто не знали Егора. Там, где у других нервы давно бы вскипели, Егор выезжал на позитиве своем. Даже гопники местные, если тут иногда между собой рамситься... простите, ссорится начинали, он умудрялся разрулить все, – Наташа сглотнула комок и грустно улыбнулась. – У него было море позитива, чем он и подкупал всех вокруг.

– А море позитива, как вы говорите... Это не благодаря траве, случаем?

Наташа напряглась.

– Вы знаете?

– Теперь это неважно.

– Егор покуривал иногда, – признала Наташа. – Я пыталась его отучить, но... Тем более, бизнес это стресс всегда. Ну, он так говорил.

– Какие-то проблемы с бизнесом?

– Я спрашивала. Егор в последнее время весь сам не свой был. Говорил, что с поставщиками непонятки.

– Какими именно поставщиками?

– Он не рассказывал. Говорил, что сам этим занимается, а мне лишний геморрой ни к чему.

– Геморрой всегда лишний, – не удержался и ввернул Рябцев. Наташа сухо взглянула на него, и Рябцев смущенно кашлянул. – Наталья, нам бы, наверное, документацию посмот-

реть. Чтобы понять, как у Егора шли дела.

– Зачем? Его ведь эта банда убила. О которой говорят все вокруг.

– Скорее всего, – деликатно ушел от ответа Бегин. – Так где он хранил документацию?

Это были несколько толстых папок со скоросшивателями, куда Сергеев вкладывал все: от накладных до квитанций об уплате налогов.

По пути назад Бегин поинтересовался:

– Тебя ведь выдернули из архива? За какие заслуги там оказался?

Рябцев замялся.

– Не знаю, стоит ли.

– Мне тут особо не с кем трепаться за кружкой пива и местные сплетни обсуждать, если не заметил.

Это было так. Рябцев хмыкнул.

– Да ничего особенного на самом деле. Я в отделе угонов старшим опером был. Через агентуру разрабатывал какое-то время одну банду. Они угоняли тачки и возвращали их за вознаграждение. Если кто-то отказывался платить или обращался с заявой в полицию, его машину сжигали. Демонстративно. Ничего не боялись, гады. А мы никак не могли подступиться к ним. Пока однажды мне не повезло. Наколка была горячей, и я начальство в курс дела не поставил. Угонщиков взяли с поличным, прямо на колесах.

– И в чем засада?

– Засада была в том, что один из них был в хороших отношениях с моим прямым шефом. Начем отдела угонов.

– Крыша?

– Курбатов был майором. Но уже тогда у него был трехэтажный особняк в элитном поселке.

Бегин кивнул. История не новая. Как везде.

– Чем закончилось?

– Шеф выставил картинку так, что я взял его лично-го осведомителя, которого он внедрил с особым заданием в преступную группировку. Проявил самостоятельность, не посчитался с интересами дела, забыл о субординации. И запорол операцию. Козёл, одним словом. Курбатов настаивал, чтобы меня вообще выперли из ментуры. Не знаю, почему, но они этого не сделали. После служебного расследования вклеили выговор, понизили в должности. И отправили в подвал копать в бумажках.

Реакция Бегина опера убила. Он равнодушно кивнул и просто отвернулся, показывая, что потерял интерес к разговору и тема закрыта. Бегин даже не думал говорить хоть что-то, пусть даже дежурное и предсказуемое. Рябцев мысленно чертыхнулся и крепче вцепился в руль, проклиная сидевшего рядом ублюдка.

Глава 8

Паша был в восторге. Хищная спортивная машина длиной почти полметра, с послушным пультом управления и дисплеем – на него выводилась картинка с камеры, закрепленной на капоте игрушки и закамуфлированной под гоночные петли.

– Укол, спасибо! Блиин! Камера!

Федор потрепал пацана за волосы.

– Давай-ка похулиганим.

Он взял пульт. Машина, подчиняясь движению джойстика, рванула с места. Федор виртуозно вырулил из комнаты. Паша прилип к дисплею: стены прихожей, дверь кухни, ноги колдующей у плиты Светы. Суперкар ринулся вперед, и из глубин квартиры донесся визг.

– Вашу мать! Всех сейчас пере...! Федя! Пашка!

Пацан зашелся от хохота. Федор вручил ему пульт:

– Выезжай сам. Только со всей дури в стену не врезайся. Там хоть и кенгурятник, но ты без фанатизма давай.

Федор отправился на кухню. Улыбнулся, увидев гневный взгляд Светы.

– Че как придурки? Дитятко, блин.

– Да ладно ты. Пусть пацан порадует. У него экзамены впереди.

– Вся жизнь сплошной экзамен. Пусть привыкает.

– Свет, я спросить хотел, – как бы между прочим сказал Федор. – Эта банда, о которой ты тогда рассказывала. Ну, в районе Домодедово которая.

– А что с ней?

– Ты ведь общалась с ментами. Я читал твою статью, но там наверняка не все, что ты узнала. У тебя ж записи остались какие-нибудь? Диктофон, блокнот?

– Само собой. А чего это ты вдруг?

– Мои пацаны часто там мотаются. Пусть в курсе будут. Мне не нужно, чтоб кто-нибудь из них пулю в лоб получил. Я хочу знать места, где убивали людей. Какой километр трассы, какой именно участок.

Света слишком хорошо его знала, чтобы не понять, что у Федора на уме.

– Погади-ка. Федь, ты что задумал?

– Я? Ничего.

– Блин, не ври мне, – она для внушительности ткнула ему в грудь палец. – Я тебя как облупленного вижу. Что задумал?

Федор сдался.

– Мысль есть. Покататься с пацанами по трассе. Посмотреть, что и как.

– Федя, – выдохнула Света. – Вот почему ты как нормальный человек жить не можешь, а? Тебе опять приключения на задницу нужны?

– Нормальные люди? Нормальные люди едут по своим делам, не подозревая, что получают пулю в лоб и лягут гнить

в землю. Те убитые – нормальные люди. – видя, что Света готова спорить, Федор горячо продолжил: – Свет, ты в инете смотрела вообще, что творится? У народа паника. А менты реально не справляются. У меня среди пацанов есть бывшие менты, я знаю, как там все устроено. Обеспечить безопасность на всей трассе – это армию надо вводить. Надо что-то делать. А я могу. Мы не ботаники, у нас мощные машины и пацаны, которые многое в жизни повидали. Есть и те, кто горячие точки прошел.

– Твою мать, – вздохнула Света. – Герой недоделанный.

– При чем здесь герой? Я просто не могу сидеть сложа руки, когда эти уроды отстреливают людей одного за другим. Свет, ты сама мотаешься на работу в Домодедово каждый день. Ты хочешь стать одной из тех, кто с этими падлами встретится? Я – нет.

Сестра хмуро покосилась на него.

– Это из-за отца, да?

Его не стало 25 года назад. Уколовы-старшие во времена, когда вся страна разваливалась и летела к чертям, стали, как и многие другие, челноками. Федя и Света во время поездок отца и матери за товаром на челночных автобусах, забитых такими же, как и их родители, торговцами, ночевали у бабушки. Однажды утром, когда подростки ждали возвращения родных, в дверь позвонили. Но это были не папа и мама. На пороге стоял усатый человек в форме, который рассказал, что отныне у них нет отца. Их мать с травмой головы лежала

в хирургическом отделении одной из Подмосковных больниц и отчаянно боролась за свою жизнь. Ее спасли – но это стало лишь началом конца. Через пять лет сильно сдавшая после трагедии мать отправилась в могилу вслед за Уколовым-старшим. Федору тогда было 17 лет, Свете на два года меньше.

Всему виной были подмосковные бандиты, которые напали на автобус с челноками. Отец, зная, что если они лишатся денег, занятых по всем знакомым на покупку товара, то они лишатся всего. Он сопротивлялся и получил заряд картечи из обрезка в грудь. Он умер мгновенно. Матери проломили голову бейсбольной битой, когда она с криками бросилась к истекающему кровью мужу.

– Это не из-за отца, – соврал Федор. – Просто так надо, понимаешь?

Эта идея появилась у Рябцева еще вчера. С Викой они все же помирились. После чего Рябцев выслушал еще пару советов жены о том, как он мог бы «подсуетиться». Несмотря на то, что Бегин был конченным, по убеждению Рябцева, м... ком, упускать возможность было нельзя. Возвращаться в подвал опер уже не хотел.

Поэтому вечером, завезя Бегина на квартиру, Рябцев вырулил на трассу и рванул в Москву. Была суббота, и даже

не подъезде к мегаполису дорога не стояла – поток машин в город двигался неспешно, но уверенно.

Проезжая мимо поста ГИБДД, опер увидел группу инспекторов ДПС, которые тормозили подозрительные машины. Чтобы стать подозрительной, ей достаточно иметь в салоне трех человек и больше. Проверяли документы водителя и пассажиров, досматривали багажник, интересовались маршрутом и целью выезда за пределы столицы или въезда в нее. Страховали работников ГИБДД трое спецназовцев в бронежилетах и с автоматами и несколько оперов из полиции Домодедово. Среди них Рябцев различил Наумова из убойного. Опер съехал к обочине.

– Здорова. Только заступил?

– Теперь до четырех утра, потом сменят, – невесело поведal Наумов.

– Успехи есть?

– Какое там. Да у нас забот выше крыши. Теперь мы всем, кто согласен добровольно, предлагаем сдать слюну. Для анализа ДНК.

– Куда харкать?

– В пробирку, б... дь, не в рожу же. Половина в отказ идет. Таких, конечно, сразу по базе пробиваем, фоткаем. Я уже задолбался. Ни конца, ни края этому, походу, не видно.

– Еще бы. Здесь же хренова туча народу.

– Это что. У нас в круге подозреваемых все местные. От Растуново до Видного. Прикинь? Плюс один Домодедо-

во чего стоит. А еще все дачники, которые как назло шаркаются туда-сюда. Сезон попер, будь они неладны. – Наумов сплюнул. – Так что, Рябцев, радуйся, что ты хорошо пристроился. А то с нами бы тут торчал. Собачья работа.

В этот момент какие-то движения возникли в машине, которую проверял один из инспекторов. Наумов буркнул «Ну все, давай!» и побежал на шум. Рябцев тронулся и направил автомобиль дальше.

Цель его вояжа находилась в Ясенево. Небольшое офисное здание, на третьем этаже которого располагалась контора коммерческого предприятия с неприметной и мало о чем говорящей вывеской «Авангард лимитед».

Билолов был немало удивлен, увидев в дверях кабинета незваного гостя.

– Владимир Сергеевич? Вот уж кого не ожидал.

– Я полон сюрпризов. – подойдя к роскошному письменному столу Билолова, Рябцев пожал его руку. Билолов улыбался, но его маленькие черные глаза буравили Рябцева, словно пытаясь считать что-то. Рябцев осмотрелся. – Нехило устроился, я смотрю. Кожаная мебель. Диван штук сто стоит, небось?

– Вообще-то четыреста.

– Сколько? Полмиллиона за диван? Фариз, тебе ответственные сотрудники не нужны?

– Можем обсудить, – улыбнулся Билолов. – Но ты ведь не за этим приехал, Владимир Сергеевич? Насколько я знаю,

из органов тебя никто не просит.

Рябцев опустился в удобное просторное кожаное кресло. С наслаждением откинулся на спинку.

– Продолжаешь следить, что там у нас и как? А ты ведь давно завязал все дела с нашим городом.

– У меня много друзей в Домодедово, ты знаешь. Нужно же о чем-то с ними говорить. Выпьешь что-нибудь?

Рябцев покачал головой и перешел к делу.

– Фариз, если ты следишь за тем, что у нас творится, то, наверное, в курсе про беспредел на трассе.

– Что-то слышал.

– И что же ты слышал?

– Что тебя интересует?

Рябцев хмыкнул. Билолов мог играть в вопросы до бесконечности.

– Какие-то упыри отстреливают людей. Со стволами. Волыны девять миллиметров.

– При чем здесь я, Владимир Сергеевич?

Рябцев встал, заинтересовавшись несколькими клинками, висевшими на стене. Аккуратно взял один. Это была сабля в ножнах, украшенных насечками и гравировкой с цветами, завитками и похожими на ракушки элементами.

– Ты сам сказал, в Домодедово у тебя много друзей. И я знаю твоих друзей, половина из них в свое время через мой отдел прошли. Вдруг кто-то что-то слышал, слушок или сплетни. Меня интересует все. – Рябцев осторожно выудил

часть сабли из ножен. Сталь была острой и прочной.

– Настоящая сабля? А разрешение есть, позволь спросить?

– Это пульвар, – пояснил Билолов. – Афганская сабля. Осторожно, она дорогая.

– Еще мне нужен тот, кто поставляет этой банде стволы, – Рябцев водрузил саблю назад. – Может быть, он наш, местный, просто делает свои дела осторожно, и поэтому нигде пока не засветился. А может, он из Москвы. Но у тебя и здесь, судя по всему, со связями все в порядке.

– И все-таки, – настаивал Билолов. – При чем здесь я?

Рябцев улыбнулся, вернувшись в кресло, и пристально взглянул в маленькие острые глаза Билолова.

– Фариз, давай не будем. Мы все знаем, что ты только пару лет назад перебрался сюда и заделался бизнесменом. Чем, кстати, занимаешься?

– Торговля нефтепродуктами.

– О. Так ты нефтяник? Интересно.

– Ничего интересного, – сухо откликнулся Билолов. – Это не то, чем кажется. Пару цистерн покупаешь в одном месте, отправляешь в другое, получаешь свой процент и едешь в третье место цеплять к составу другие цистерны. Все сделки за границей в основном.

– Судя по всему, – Рябцев окинул взглядом богатое помещение кабинета, – на хлеб тебе хватает. И на сабли, конечно.

– Владимир Сергеевич. Я понимаю твой интерес. Но я

сейчас занимаюсь легальным бизнесом. Меня не на чем зацепить.

– Базара нет. Сейчас не на чем. Но я тебе хочу напомнить одну вещь. Семь лет назад в камере СИЗО помер от отравления один человек, который решил дать на тебя показания. Нехороший такой яд, у бедного чувака открылись внутренние кровотечения, пока все его внутренности не залило собственной кровью. Даже врагу такого не пожелаешь. Я никогда не занимался мокрухами, но говорят, что срока давности они не имеют. Ты тоже, наверное, слышал – как думаешь, брехня или правду говорят?

Билолов продолжал улыбаться. Только теперь это было больше похоже на хищный оскал.

– Я подумаю, что можно сделать.

А по возвращении в Домодедово Рябцев заехал еще к одному человеку. Его путь лежал на конечную остановку одного из городских маршрутов, по которому сновали юркие фургончики. Три из них принадлежали Васе по кличке Кипеж, полученную им в годы бурной молодости за поведение по пьяни. За которое, кстати, он и получил свой первый срок. Кипежа Рябцев обнаружил в вагончике, где тот рассчитывался с одним из водителей.

Кипеж закурил, поглядывая на Рябцева.

– Значит, снова в игре, Сергеич?

– Типа того.

– У меня нет выхода на тех, кто мутит со стволами. Ты же

знаешь. Если паленые запчасти, это да, я могу подсобить. А тут...

— В том-то и дело, что я знаю, Кипеж, — откликнулся Рябцев, усмехаясь. — А еще я знаю, что у тебя иногда руки чешутся срубить легкое бабло на стволах. И один раз я тебя отмазал, иначе гнил бы ты сейчас на нарах. За тобой должок, Кипеж.

Возвращаясь домой, Рябцев впервые почувствовал давно забытое чувство. В нем просыпался дремлющий три года азарт охотника.

Глава 9

– Учитывая нехороший резонанс... Вы ведь в курсе? Эта банда буквально взорвала интернет. О них не пишет только ленивый. Народ в интернете с ума сходит. Говорят, что на них уже десять, а то и двадцать трупов. Пресс-служба только и занимается тем, что опровергает эти сплетни. Люди откровенно начинают паниковать.

– Понять можно, – сказал Бегин.

Кашин, непосредственный руководитель Бегина в Следственном комитете, начальник отдела по расследованию особо важных дел главного следственного управления СК, покинул и продолжил:

– Так вот, учитывая резонанс, мы решили подключить к делу управление ФСБ. Знакомьтесь. Полковник Расков. Станислав Викторович.

Бегин пожал руку Раскова. Плечистый, с непроницаемым лицом, в безукоризненном не дешевом костюме, Расков произнес:

– Можно просто Станислав.

– Александр.

– Будем работать вместе. Но вы не переживайте. Мы будем окучивать исключительно свою делянку. Отрабатывать версии по части госбезопасности.

– Например?

– Знаете, когда в народе появляется паника, а особенно, если эта паника принимает серьезные масштабы... Есть повод задуматься. Потому что не всегда этот процесс спонтанный. Спонтанно вообще мало чего бывает, если между нами.

– Думаете, кто-то специально раздувает шумиху?

– Это одно из направлений, по которому мы будем работать, – согласился Расков. – Есть и некоторые другие. Я прочитал ваши отчеты. Вы считаете, что банда может использовать специальные боеприпасы, по которым невозможно идентифицировать оружие, из которого стреляли. Так просто его не достанешь.

– Происки иностранных спецслужб?

– Зря иронизируете, Александр. Возможно все. М-4 – одна из ключевых автомагистралей страны, которая идет через всю западную часть России и непосредственно соприкасается с границей России и Украины... А что происходит на Украине, сами знаете, если новости иногда смотрите. Самые различные силы, которым крайне выгодно создать очаг напряжения в непосредственной близости от наших рубежей. Плюс в России идет большая работа по дискредитации действующей власти. Самыми различными способами, начиная от вирусных постов в социальных сетях и заканчивая сотрудничеством с иностранными организациями.

Неожиданный поворот.

– Вы считаете, что паника в сети по поводу этой банды может идти с этой стороны?

– Я знаю только одно, Александр, – у Раскова, как и у многих чекистов, с которыми за свою жизнь успел пообщаться Бегин, была, очевидно, привычка уклоняться от прямого ответа. – В Московской области, на одной из ключевых трасс, в нескольких десятках километров от столицы действует группа профессиональных – а в том, что банда действует крайне профессионально, вы, судя по вашим отчетам, не сомневаетесь – убийц. И эта группа получила в сети такой пиар, которому позавидовала бы любая наша звезда.

Бегин кивнул.

– Я вас понял. С оружием поможете? Нам нужен поставщик оружия, который снабжает стволами эту банду. Полиция занимается в первую очередь этим, но у вас свои каналы.

– Само собой. Сделаем все, что в наших силах. Кстати... Вы в курсе, как в интернете окрестили эту банду?

– Мне на глаза попадалось слово «автоманьяки».

– Их называют бандой ДТА.

Бегин покосился на полковника.

– Еще раз?

– ДТА. Так называется компьютерная игра. Очень известная, кстати, компьютерная игра. Американская, от третьего лица. Ее сюжет довольно прост: преступник, житель большого города, продвигается вверх по преступной иерархической лестнице. На этом пути ему нужно убивать. Сейчас интернет наводнили ролики из игры, в которых показаны некоторые сцены таких убийств. Игроки со стрелковым оружием напа-

дают на автомобили. В некоторых случаях останавливают их, протыкая колеса. И расстреливают водителей. Дальше продолжать?

– Думаете, какие-то отморозки переиграли в компьютерную игру и пошли мочить людей на улице? Это какими же психами надо быть?

– Психи или нет, я не знаю. Но как раз именно благодаря этому названию – «банда ДТА» – сплетни о наших стрелках с трассы М-4 в сети и стали вирусными и разошлись по всему рунету.

Около часа они прорабатывали совместный план мероприятий. После чего покинули кабинет Кашина и отправились вниз. На стоянке перед зданием СК Раскова ждала машина с водителем. Двигаясь по забитой транспортом парковке, Бегин спросил:

– Вы ведь решили подключиться к делу не только из-за паники в интернете? Какие наработки у вас есть?

Расков колебался перед тем, как ответить.

– Что вы знаете про Исламский фронт джихада?

– ИФ, крупная террористическая организация на Ближнем Востоке. – Бегин был удивлен. – Они захватывают города и вроде бы хотят построить свое государство. С ними сейчас куча стран пытается бороться.

– Или пытается показать, что борется, – чуть улыбнулся Расков. Бегин хотел спросить, что тот имеет в виду, но чекист заговорил сам, как обычно сменив направление разго-

вора: – ИФ растет как на дрожжах. Они сейчас представляют собой очень большую силу, потому что под их контролем большое количество нефтяных месторождений. Они захватывают нефтяные скважины, после чего продают нефть по бросовым ценам на черный рынок.

– Мы не на Ближнем Востоке.

Расков остановился около своего автомобиля.

– ИФ ведет большую пропагандистскую работу в интернете. Наемники и добровольцы, которые желают примкнуть к Исламскому фронту и воевать на их стороне, съезжаются отовсюду. В том числе и от нас. Буквально на прошлой неделе на границе с Казахстаном мы задержали группу уголовников, которые хотели дойти до Турции, там перейти границу и примкнуть к ИФ. А еще... Правда, это пока засекречено, потому что – сами понимаете... Еще всплыла информация, что какое-то время назад у нас на территории Поволжья действовал тренировочный лагерь для будущих боевиков Исламского фронта. Можете это представить? У нас, в Поволжье.

Бегин наконец сообразил, к чему ведет Расков.

– Думаете, что здесь у нас в Подмоскovie функционирует такой же тренировочный лагерь боевиков? Вы серьезно?

Расков кивнул без тени улыбки или иронии.

– А убийства могут быть экзаменом кровью. Они оттачивают навыки владения оружием и на практике учатся убивать.

С утра Федор заскочил на работу, чтобы принять новую партию запчастей и проверить накладные. Затем пришлось прокатиться к бухгалтеру – передать выписки. На этом работа была закончена. С самого начала Федор строил бизнес так, чтобы последний требовал минимального его участия.

И потом он засел за телефон.

В обед в кафешке, где Федор часто собирался с друзьями обсудить предстоящие планы или просто отдохнуть, собрались около десяти человек. Сухарь, Артур, Петро, Бобер. Приехали также Нос и Кукарский, Штейн, Смокин, Карчикян и Волков. В рабочий день на клич Федора откликнулись десять человек из тринадцати, которым он дозвонился.

– Вот, что я предлагаю, – закончил Федор, попивая кофе. – У всех есть интернет, все видят, что народ реально ки-пишит и боится. Но эти, б... дь, утырки конченные с М-4... Их реально гасить надо, если по-хорошему. Я, базара нет, никого валить не предлагаю. Но пацаны, если мы сможем как-то помочь поймать этих пид... сов, будет круто.

– Ну не знаю даже, – осторожно отозвался Нос.

– Не, пацаны, смотрите. Я как бы не вербую никого. Я вообще никого не зову с собой. Я предлагаю. Да или нет, дело ваше. Я еду. Кто готов меня поддержать, вперед. Кто не готов, базара нет. Никаких обид не будет.

– Что это ты вдруг? – спросил Артур.

– А вот так. Считай, что у меня просто такая гражданская позиция. Активист, ёпте. Если у кого-то из вас такая же позиция, добро пожаловать на борт.

Он выжидающе смотрел на приятелей. Давить Федор ни на кого не собирался, но ему было интересно, согласится ли хоть кто-то. Первым кивнул Карчикян:

– Я в деле. У меня все равно отпуск, делать нехер.

Молчаливый Волков просто кивнул, получив кивок от Федора в ответ. Нос замялся:

– Не знаю даже. В принципе, можно было бы, но лезть в это все... Там же менты, еще до нас дожарятся...

– Могут, – согласился Федор. – Если му... ки. А нормальные ребята поймут, что мы им помочь пытаемся, и только обрадуются. И нормальных, и му... ков везде хватает.

– Я пас, – нехотя признался Нос. – Извини.

– Да не вопрос, ребят. Говорю же, это выбор каждого. Да – да, нет – нет. Все просто.

В конечном итоге согласились все, кроме Носа и Петро. Для начала восемь человек – это был очень неплохой результат. Федор надеялся хотя бы на группу из пяти добровольцев.

– Я только сразу хочу предупредить, пацаны, чтоб непонятно не было, – сказал Федор. – На этой дороге с нами может случиться что угодно. Там завелись упыри со стволами, которые пускают эти стволы в ход, вообще не думая. Они не грабят, не угрожают. Они просто убивают. Валят людей,

одного за другим. Так что пуля может прилететь к каждому из нас. Мы можем там столкнуться с серьезными проблемами. Это не игра, не прикол, чтобы нервы пощекотать. Там все по-настоящему. Говорю это сразу, чтоб всем было понятно, на что вы подписываетесь.

Народ закивал. Зная их, Федор понимал, что половина решила идти ради адреналина. Вторая – из уважения к нему, Федору, их лидеру.

Петро кашлянул.

– Ну раз такая херня намечается... Хрен с ним, я тоже с вами.

Девять человек. Это было круто.

Нос молча сопел, чувствуя, что остался один. Но решения своего не переменял. Его право.

– А теперь, – сказал Федор, – расскажите об этом всем остальным. Нас в организации почти сто тысяч человек. Если хотя бы каждый тысячный подпишется идти с нами, у нас будет армия на колесах.

– Несколько отпечатков пальцев я сумел вычленить, – сообщил криминалист в ответ на вопрос Бегина. – Самая многочисленная группа принадлежит убитому Сергееву. Он, я так понимаю, эту бумажку с завернутой внутрь марихуаной купил, потом разворачивал, трогал... Вот и наследил сильно.

Пришлось повозиться, чтобы найти четкие отпечатки пальцев, принадлежащих другой группе. В итоге нашлись сразу два пальчика.

– По картотеке пробили?

– Ноль совпадений. Этот человек никогда не попадал в поле зрения нашей доблестной ордена красного знамени полиции.

– Жаль... Что-нибудь еще?

– Масло.

– Простите?

– Машинное масло, – уточнил криминалист. – На бумажке с травой с места преступления и на второй бумажке, которую вы нашли дома у убитого. На них есть следы машинного масла. Если принюхаться, можно даже запах различить. Вы не нюхали?

– Я не нюхаю бумажки, в которых была наркота. Меня итак по жизни прёт. – отозвался Бегин. Криминалист хохотнул, оценив шутку. – И что наличие машинного масла означает?

– Случайно капнули, или заворачивали марихуану не совсем чистыми руками после того, как возились с железками, – пожал плечами криминалист. – Не важно. Главное: тот, кто заворачивал эти свертки-треугольники, делал это там, где есть машинное масло. Это может быть что угодно. От собственного гаража до автосервиса.

Но это уже было что-то.

Из ЭКЦ Бегин поднялся к операм в убойный, которые по его поручению проверяли документацию Сергеева, владельца кафе «Каламбур» и жертвы номер три.

– Мы проверили всех поставщиков, с которыми у Сергеева были отношения, – Наумов лениво жевал бутерброд. – Пробыли поставщиков напитков, продуктов и даже одноразовой посуды в кафе. Все пучком.

– Никаких сбоев, проблем?

– Мы к каждому лично сгоняли и поговорили по поводу Сергеева, – ввернул Стасин. – С поставками у него все было хорошо, и все это есть в накладных и остальных бумажках из кафе. Если у Сергеева были какие-то проблемы, из-за которых он грузился, то дело явно не в поставках. Так что или его баба вам соврала, или сам Сергеев соврал ей.

– А здание?

– Долгосрочная аренда. Оплачено до конца года. Здесь тоже все чисто.

– Деньги?

– На счету у Сергеева было двести с хвостиком штук. Не самые большие бабки, но для хозяина маленького кафе на отшибе города вполне себе сойдет. Мы взяли в банке распечатку по движению средств. Ничего подозрительного – крупных сумм он не снимал и не клал на счет. Деньги капали по двадцать-двадцать пять тысяч в месяц.

Бегин не ответил. Вместо этого он положил перед операми бумажку с поручением.

– Понятно. Тогда теперь займитесь вот этим. Скооперируйтесь с отделом угонов. И проверьте всех местных барыг. Всех, кто стоит на учете и проходит по наводкам и агентурным донесениям. Мы ищем барыгу, у которого есть автосервис, подпольная автомастерская или что-нибудь в этом духе.

Опера переглянулись.

– Это по Сергееву? – уточнил Наумов. – А он ведь вас из-за анаши заинтересовал, да? Послушайте, мы ведь копнули хорошо, но у этого чела все было чисто. Ну, покуривал он траву, бывает. Но вряд ли он был как-то связан с этими бандосами.

– Мало ли кто на шипы мог нарваться, – поддакнул Сташин. – Они ведь не выбирают жертв. Этим уродам ведь все равно, кого убивать. Лишь бы убивать. Убийство ради убийства.

– Просто сделайте это, – отрезал Бегин.

Энтузиазмом опера не горели.

Сам Бегин отправился в кабинет к Лопатину. И вручил ему очередную бумагу. Лопатин быстро пробежал текст глазами и поднял на Бегина удивленный взгляд.

– Что это?

– Там все написано.

– Вы шутите? Рябцева включить в группу? Зачем он вам? – Бегин не ответил. Лопатин pokraxyтел, откинулся в кресле и сделал глоток кофе из своей выдающейся кружки с надписью «БОСС», все это время внимательно буравя Бе-

гина взглядом. – Послушайте, Александр. Зачем он вам? Понятно, он вас возит и, наверное, вам было бы удобнее, чтобы водитель был в теме, так сказать. Но я могу дать вам другого опера. Из любого отдела, которые работают по делу. Зачем вам этот неудачник в группе?

– Сергей Вениаминович, при всем уважении, – ответил Бегин, не отводя от него глаз. Бегин тоже умел играть в «кто кого пересмотрит» очень хорошо. – Пока что я главный следователь по делу. И я не спрашиваю разрешения. Я вам просто сообщаю.

Вырулив по развязке на М-4, внедорожник, агрессивно рыча и стремительно набирая скорость, рванул в сторону Домодедово. Стрелка спидометра плавно ползла к 110 километрам в час.

Женю на пассажирском сиденье в момент, когда он делал глоток виски прямо из бутылки, снова разобрал смех, и пойло хлынуло назад через нос.

– Ах ты б... дь! – хохотал Женя, вытирая рукавом лицо. Музыка редела во всю мощь стереосистемы, усиленной дороющим сабвуфером с мощными, расположенными в районе багажника, колонками, перекрывая собой почти все – Женя не слышал даже собственный голос. Но привычный к реву акустической системы Артем орал так, что его слышали все:

– И я этот шокер прикладываю к лестнице, короче! Ну, к этой херне, как она там называется. Перила, перила! Они ж железные, ёпте. Нажал, искра е... нула такая. Аж светло стало! И ток типа пошел по железу. И я тогда ору этом бомжу, прикинь: «Выпить хочешь?». Иди, говорю, сюда, пузырь поставлю!

Внедорожник неся по трассе. Где-то впереди, на горизонте, моргали огоньки приближающегося города, до которого, впрочем, оставался еще с десятков километров. Игнат на заднем сиденье икнул, чувствуя, как во рту вместе с отрыжкой появляется вкус рвоты. Он мутным пьяным взглядом покосился в окно и задержал дыхание – испробованный и зарекомендовавший себя способ избавиться от икоты. За окнами машины с бешеной скоростью проносились столбы, сливаясь в один сплошной мелькающий с удручающей частотой поток. И от этого мутило еще больше. Игнат откинулся на спинку дивана и, несмотря на раздувшуюся от усилия грудную клетку, заполненную воздухом, громко и смачно икнул еще раз. Выматерился себе под нос.

– И этот петушара, короче, че-то там бормочет по-своему, – орал Артем. Он закурил, и струя сигаретного дыма поползла назад, в лицо Игнату. Как назло. Игнат икнул снова. – Синий, в натуре, в зюю, вдрыбаган, б...! И такой бубнит, ноги шаркают по полу. Пошел типа. А через секунду: б... дь, вы б это слышали! Треск и вопль такой, визг даже, бабский такой: «Ааа!». И звук, б...! «Плюх!» Я вниз, смотрю – а это

чучело, вот в натуре отвечаю, метра на три назад отбросило! На три, б... дь! В отключке полной!

Игнат смачно икнул. Вкус рвоты появился снова. Проклиная свой слабый организм – вон, Артем и Женя ржут как ни в чем не бывало, хотя выпили одинаково – Игнат снова задержал дыхание, с шумом наполнив грудь воздухом.

Женя обернулся и заржал, видя покрасневшее от задержки воздуха лицо Игната.

– Тем, зацени! Смотри!

Артем обернулся на Игната. Тот шумно выдохнул все содержимое легких, но поздно. Артем и Женя заржали во всю мощь своих глоток.

– Как там в анекдоте? «Бобер, выдыхай!» Ты че там колдуешь, б... дь?

– Че-т мутит меня, – снова икнув и мысленно проклиная уже все вокруг, пробормотал Игнат.

– Ты мне там салон не заблюй, слышь?

– Пацаны... Давайте тормознем...

– Че? – орал Артем. – Не слышно ни х..., громче! Тормознуть? Тебе в натуре херово что ли?

Артем обернулся назад.

В этот самый момент все и произошло.

По какой-то причине на полном ходу что-то случилось с колесом. Послышался хлопок, который было слышно даже в салоне, несмотря на рев музыки. Машину на полном ходу вильнуло влево, к ограждению, отделяющему дорожное по-

лотно от встречных полос. Матерясь, Артем вцепился в руль и крутанул его в другую сторону что есть мочи. Но от этого машину, которую стремительно повело влево, лишь дернуло еще сильнее. Внедорожник развернуло на полном ходе на 360 градусов вокруг собственной оси, при этом автомобиль продолжал нестись вперед, прямо на ограждение. И с глухим, но оглушительным грохотом машину впечатало в дорожное ограждение.

С мощным хлопком сработали подушки безопасности на передних сиденьях. Белая поверхность со всей силы ударила Женю, впечатывая разлетающуюся от удара бутылку с коньяком в его лицо. Женя заверещал, чувствуя, как в его щеки, скулы и лоб впиваются десятки острых, как бритва, осколков. Его дернуло назад, после чего голова, как кукольная, отлетела назад на усыпанную осколками подушку.

Артему повезло больше – подушка, внезапно выскочившая из рулевого колеса и в долю секунды заполнившая все пространство перед ним, ударила его в висок и лишь на секунду оглушила.

И это было последнее испытание, которое Игнат мог выдержать. Его вырвало. Унизительно, на самого себя – мерзкая рвотная масса хлынула прямо на грудь, заливая одежду и заполняя смрадом все пространство салона.

– Б... дь, твою мать, е..рот! – завизжал Артем, приходя в себя. В голове плыло. Кипя от ярости, он принялся пихать подушку, отталкивая ее от себя. Сдуваясь и оседая, она вы-

пустила Артема из плена. Дернув ручку двери, он буквально вывалился на асфальт, продолжая поливать все вокруг матом.

Вслед за Артемом из машины выпал Женя. В его голове плыло от удара, лицо было залито кровью. Его шатало, как после хорошего нокдауна, в голове звенело. Он не понимал ничего – где он, что произошло, кто рядом – сплошной туман в голове.

– Че за нах? – пробормотал он, проводя рукой по лицу. На ладони остались перемазанные кровью осколки бутылки.

– П... ц, приплыли! – приходя в себя, заревел Артем. Только сейчас он полностью осознал, что произошло. Машина впечаталась в ограждение задним бампером, который от удара частично отвалился и сейчас висел, лишь каким-то чудом держась за что-то с левой стороны. Ограждение на добрые полметра ушло во встречную полосу под давлением влетевшей в него пятитонной металлической машины. – Ну п... ц же! И че я бате скажу?! Съездили к бабам, б... дь!

Игнат, развалившийся на заднем сиденье, икнул. Он мутным взглядом посмотрел вниз, на залитую вышедшей из него дрянью грудь. Пополз к дверце, чтобы открыть ее и выбраться наружу. Все, что ему было нужно сейчас – это просто свежий воздух. Пытаясь в темноте салона нащупать дверную ручку, Игнат поднял глаза.

За окном двигались две тени. Черные силуэты на фоне

растущих вдоль трассы деревьев-исполинов приближались в их сторону. Игнат икнул, ничего не понимая и продолжая искать треклятую дверную ручку.

Артем, матерясь, на чем свет стоит, тоже увидел двух людей, быстро приближающихся к ним со стороны обочины. Артема трясло от ярости. Он заорал, махнув им рукой:

– Пацаны, б... дь, вы – ?!

Эта бессмысленная реплика была последним, что Артем произнес в своей жизни.

Черные тени открыли огонь. Яркие вспышки из пистолетных стволов загревели в 8—9 метрах от автомобиля. Первая же пуля пронзила грудь Артема, вторая прошла его горло. Его отбросило назад, на автомобиль, и он сполз вдоль заднего колеса автомобиля. Еще несколько пуль угодили в его грудную клетку, разрывая внутренние органы. Но Артем был уже мертв.

Женя получил первую пулю в ягодицу и сначала ничего не понял. Не было даже боли – в момент аварии организм выстрелил в кровь столько адреналина, что тот сожрал болевой эффект от пронзенных свинцом тканей. В голове все еще гудело, он был в шоке после столкновения и удара. Женя обернулся, но так ничего и не увидел. Второй стрелок, неспешно приближаясь, на ходу разрядил в Женю всю обойму. Тело парня мешком рухнуло на асфальт, и он застыл на боку, обратив застывшие навсегда глаза к хромированному диску переднего колеса внедорожника. Когда магазин кончился и за-

твор застыл на задержке, стрелок сменил обойму. Подошел вплотную к Жене и сделал контрольный выстрел в голову, в висок.

Игнат лежал на полу, в луже собственной рвоты, холодный от навалившегося на него ужаса.

Но ему повезло.

На встречной полосе, совсем рядом, метрах в 30 от внедорожника, вспыхнули фары. Машина неслась на полном ходу, приближаясь к месту бойни. Взвизгнули покрышки, и черная тень автомобиля замерла по ту сторону ограждения.

– Валим!

Стрелки, пряча оружие, бросились к ограждению. Легко перемахнули через него, прыгнули в машину. Взревел двигатель, и машина рванула с места, стремительно удаляясь прочь.

Бледный от ужаса Игнат выглядывал в окно, провожая глазами автомобиль убийц. Ему не верилось, что он спасен, пока через каких-то 20—25 секунд ее огни не растаяли в темноте ночи.

После чего парня заколотило, желудок сжался в комок. Он успел лишь распахнуть дверцу, и его снова вырвало.

Глава 10

– Черная «хендай»? Точно?

– Я в машинах хорошо разбираюсь, – Игнат слабо кивнул, кутаясь в теплый плед, но его все равно бил озноб. Его голос звучал тихо и заметно дрожал, срываясь почти на фальцет в каждой фразе. – У Артема... за рулем который был... У его отца автосалон свой. В Климовске.

– В Климовске? – переспросил Рябцев. – А тут как оказались?

– К девчонкам ехали в Павловское...

– В таком виде? – удивился Бегин. – Много выпили?

– Полторы бутылки коньяка где-то, – пробормотал Игнат, пряча взгляд. – Пиво еще правда... Но немного...

– И вас за все это время на трассе никто не остановил? Ну, чего молчишь?

– Около Климовска, на выезде... Там гайцы стояли. Ну, ДПС. Но они знают отца Артема... И в общем никогда не тормозят его...

Бегин переглянулся с Рябцевым. Информация была фее-ричной. Лопатин уверял, что ночью на трассе дежурят уси-ленные наряды, проверяя всех подозрительных. А на деле трое пьяных в стельку парней смогли проехать добрую сотню километров, несясь на скорости свыше 100 км в час, и на их пути ни разу не встретился никто из хваленной ночной смены

рейдующих на трассе полицейских.

Было три часа ночи. На трассе вокруг мятого внедорожника колдовали криминалисты, расставляя на асфальте мощные прожектора – чтобы даже в условиях ночи не упустить ни единой детали. Две машины ГИБДД, стоя поперек дороги перед и позади места преступления, взмахами полосатых палок отправляли редких ночных водителей по единственной свободной для проезда крайней правой полосе. Тела убитых так и лежали там, где они попрощались с жизнью: ждали судмедэкспертов и Бегина.

Которому сейчас было не до этого: перед сном Бегин, по обыкновению, принял на грудь спиртного – это была единственная возможность избежать кошмаров, от которых он бежал. Но еще до наступления минуты, когда он отправился в кровать, ему позвонили из управления и сообщили о новом убийстве на трассе.

– Ты разглядел что-нибудь кроме машины? – вернулся Бегин к парню, которого все еще нещадно колотило после пережитого ужаса. Следователь старался тщательно проговаривать каждое слово, чтобы его речь не звучала бессвязно. – Силуэты? Лица?

– Так... Смутно очень... Темно же. Они когда подходили, я только тогда и увидел их. А потом они руки подняли и давай стрелять. – Игната перекосило от одного воспоминания, и он плотнее закутался в жесткий казенный плед. – Я тогда сразу вниз сполз, на пол, и не высывался... Руками голо-

ву закрыл, чтобы не прилетело... Хотя это ведь и не защитило бы... Блин... Я поверить не могу, как мне повезло. Если бы они меня заметили через окно – то все...

Парня начало «нести». Рябцев, косясь на туго соображавшего Бегина, подавил раздражение к следователю и решительно вмешался в разговор:

– погоди-погоди, потом себя жалеть будешь. У тебя для этого будет теперь вся оставшаяся жизнь. Что ты разглядел? Какие они были? Что помнишь?

Игнат поколебался. Память упорно не хотела возвращаться назад и снова переживать недавний ужас.

– Ну... Знаете... Один повыше вроде. Нормально так повыше, на голову. Его как раз фара осветила, когда он шел. Шел быстро... Перед тем как он стрелять начал, я кажется... Да, у него были усики и борода. – Игнат слабыми непослушными руками показал на себе. – Небольшие такие, типа модные.

– А второй?

– Он такой невысокий был, широкий.

– Толстый?

– Нет, широкий, крепкий такой...

– Коренастый?

– Наверное, – неуверенно кивнул Игнат. – И это, еще. Он лысый был. В смысле, голова выбрита. Кажется. А лица я не видел. Не разглядел, не успел...

– Фоторобот сможешь помочь составить? Или никак?

– Фоторобот? Как это? А, это как в кино показывают? – Игнат зачем-то поводил рукой, видимо, так ему было легче вспомнить увиденную по ТВ процедуру. – Отдельно нос, отдельно глаза, отдельно рот?

– Вроде того.

– Так я же не разглядел ничего. Говорю же. Я сразу на пол, как услышал, что они... Ну, из стволов... По пацанам... – Игнат не мог больше держаться, его подбородок затрясся. – Б... дь, они их убили. Просто расстреляли, как... как... как собак... И уехали... А я там, на полу, в луже блевотины...

Игнат с трудом проглотил комок и закрыл рот – кажется, ему снова поплохело. Рябцев отшатнулся, крикнув скупавшим в сторонке фельдшерам в синих спецовках:

– Ну вы, гиппократы, дайте ему уже чего-нибудь противорвотное, а? Вам же машину изгадит, сами нюхать потом будете, ну ё-моё!

Бегин протер лицо и двинулся к машине Рябцева. Нужно было составлять протокол. По взглядам, которые изредка бросали опера из убойного и криминалисты в его сторону, было понятно, что ждут только его. Но нестерпимо хотелось курить. Он кивнул операм – мол, сейчас – и на ходу закурил. Около машины остановился, глядя вдаль. Туда, где чуть меньше часа назад скрылся автомобиль преступников.

Рябцев приблизился к нему и молча застыл позади. Бегин обернулся, скользнул по оперу безразличным взглядом

и снова устоялся вдаль.

– Разошлись они, – пробормотал Бегин. – Четвертый эпизод, и уже шесть трупов. Три нападения чуть больше чем за неделю. Все чаще и чаще. Упыри, б... дь... – он указал на юг. – Пацан сказал, они ушли туда. В сторону А-107. То есть, через пять километров они могли сделать что угодно. Уйти дальше по М-4, могли перескочить на Каширку и двинуть назад в сторону города. А могли по малой бетонке уйти хрен знает куда.

– И что?

– Я думал, что у них другая схема. Все оказалось хитрее. Они уходят по встречке, и водилу своего ставят тоже там. Умные ребята. Паскуды, но умные. – Бегин покачал головой. – Нужно привлекать психиатров. И составлять их психологические портреты. Это, Рябцев, не обычная банда. Что-то с этими уродами сильно не так.

Рябцев хмуро наблюдал за Бегиним, который расклеивался на глазах. Он был нетрезв и растекался мыслью по дереву, как в состоянии подпития поступает практически каждый.

– Слушай, может, дежурного следака из местных вызвать? Он составит протокол. А я тебя домой отвезу. Выспишься. А завтра с новыми силами...

Бегин, по своему обыкновению, которое задевало Рябцева и возмущало до глубины души, не отреагировал на его слова, словно и не слышал ничего. Следователь докурил и бросил окурок на асфальт. Понаблюдал, как тот, тлея, дымился,

и растоптал его носком ботинка. Выудил из машины свою потрепанную папку с бланками. И хмурым взглядом, в котором читалась откровенная неприязнь, посмотрел на север. Туда, где в десятках километрах от их участка трассы свети-лась далеким заревом Москва.

– Гребаный муравейник. Создали монстра, а потом удив-ляются, что он пожирает все вокруг и самого себя, – пробормотал он. И поплелся, чуть пошатываясь, к машине убитых.

Рябцев хмуро обернулся, провожая его взглядом. Он был благодарен Бегину за то, что тот включил его в группу. Но сейчас Рябцев мог думать только об одном. С этим сле-дователем – действительно что-то сильно не так.

В эту ночь работа в УВД Домодедово не стихала ни на се-кунду. Когда на горизонте робко забрезжило яркое майское солнце, в уголовном розыске кипела жизнь. Управление бро-сило все силы на проверку черных «хендаев», зарегистриро-ванных на жителей Подмосковья и Москвы. Это были десят-ки тысяч имен, которых нужно было как следует просеять в поисках одного, того самого, имени. Владельцев автомо-билей пробивали по базам ГИБДД, после чего их имена вы-членяли в картотеке УВД. Если на автовладельца у полиции имелось досье, что означало, что когда-либо он пресекал за-кон, поднимались и анализировались все материалы.

– Вы участковый на Втором Покровском проезде, дом десять? Угрозыск Домодедово беспокоит, Стасин моя фамилия. У вас на участке проживает некто Штефер, восемьдесят пятого года рождения. Да, Григорий Андреевич... У него есть черная «хендай», все правильно? Интересует, есть ли у вас на него какие-нибудь сигналы, жалобы, неофициальная, может быть, информация...?

– Алло. Да, я слушаю? Говорите, у него этой машины нет больше? Как разбил? Мы в базе данных гаишников не нашли ничего такого. А, вот оно что... То есть, его «хендай» во дворе стоит, не на ходу? А вы когда последний раз проверяли?

– Нужно выслать наряд по этому адресу. Проверить квартиру. Проверить гараж и его машину. Он на УДО, так что никакие постановления не нужны, пусть делает, что говорят. Не захочет показать машину, пригрозите, что вклеите ему 15 суток... Я серьезно, мы работаем по банде ДТА, слышали, небось?

– То есть, Ломакин Степан Николаевич, он сейчас в СИЗО? А как давно? Хм, ясно... А его машина? На него зарегистрирована черная «хендай». Можете проверить, что с ней? У вас же есть его адрес. С кем он там проживал? Сожительница? Ну вот и отлично. Ну и что, что ночь. Во-первых, не ночь, а утро уже. А во-вторых, кто рано встает, тому и Он самый подает. Ага, так ей и передавайте.

– Отдел дознания? Мужики, выручайте. Нужно несколько адресов проверить. Это срочно. Мы ищем черную «хендай».

У вас в поселке три таких. Окучиваем все Подмоскovie. Да и не говорите, хоть вешайся... Ну что, адрес пишете?

Другие оперативники проверяли картотеку. Они просеивали всю полицейскую базу с фотографиями и личными данными людей, когда-либо преступившими закон на территории как Домодедово, так и остальных городов и поселков южного Подмоскovie. Опера методично щелкали мышкой, листая карточки с фотографиями судимых и привлекаемых когда-либо лиц. В первую очередь проверялись «клиенты», имевшие за плечами сроки или проходившие по уголовным делам за совершение преступлений средней тяжести и тяжких – начиная от разбоев и хранения оружия и заканчивая изнасилованиями, тяжкими телесными убийствами. Пока отталкивались от информации, которая у полиции имела. А не имелось практически ничего кроме самого скудного на свете словесного портрета.

– Смотри, похож вроде. Усики, бородка. Фотографию делали три года назад последний раз, правда. Срок мотал за разбой.

– Имена остальных по делу указаны?

– Где-то было...

– Народ, у меня есть. Бритый, по комплекции похож. Догадываетесь, за что срок мотал? Мокруха. Убийство таксиста, понял? – и опер тут же тянул руку, сверяясь с данными на мониторе компьютера и набирая длинный номер. – Алло, дежурный? Угрозыск Домодедово. Скажите, у вас от оперов

кто сегодня дежурит? Какой у него номер?

Работы было на пару суток даже при максимальной загрузке. Но на помощь пришли опера из головного штаба, расположенного в ГУВД региона. Координаторы постоянно созванивались, держа друг друга в курсе.

Бегин под утро по телефону доложил в Москву о подробностях ночного преступления. Несколько часов он корпел над бумагами, пытаясь собрать мысли в кучу и накачивая себя большим количеством кофе. После пятой кружки, выпитой около восьми утра, он потерял им счет.

Но при этом Бегин не забывал и о не настолько срочных, но не менее важных делах. Поэтому, когда ему позвонили из дежурки и сообщили, что подошел участковый, Бегин залпом допил уже давно остывший крепкий кофе и спустился вниз.

После литров двух кофе от похмелья ему избавиться почти удалось. Лишь где-то в желудке слегка мутило, в висках стучала кровь, накачанная кофеином, а мысли в голове продирались вперед с тугим скрипом.

Участковый ждал Бегина около клумбы сразу за вытянутой крупной парковкой, где сгрудились десятки полицейских машин, с опознавательными знаками и без. В ожидании следователя он коротал время, раскладывая бумажки в своей папке. Плотный, мордастый, лет 35—40, с короткой стрижкой, он крепко пожал руку Бегина и представился:

– Капитан Латыпов, Егор Михайлович.

Бегин предложил ему сигарету. Тот сделал характерный жест – мол, свои – и выудил из кармана пачку тонких черных сигарилл. Они закурили.

– Капитан, кафе «Каламбур» на вашей территории?

– Все правильно, на моей, – кивнул участковый.

– Слышали про убийство?

– Само собой, спрашиваете еще. Жуть какая-то, честно говоря. У нас тут обычно поспокойнее как-то, попроще всё. Не то, что в Москве. А тут на тебе... Правда, что они ничего не берут, просто расстреливают людей и уходят?

Бегин пожал плечами и задал очередной вопрос:

– С Сергеевым были знакомы? Хозяином «Каламбура»?

– Да как вам сказать. На лицо его знаю, конечно. Мимо часто хожу, иногда заглядываю, проверить обстановку. Это единственное кафе на моем участке. Как-то раз наркомана одного искали. Так этот Сергеев мне помог, сдал его – сказал, что тот заглядывал, и даже сказал, куда побежал. – участковый подмигнул: – Я, правда, в рапорте это не отразил. Написал, что собственная агентура помогла. Нас ведь тоже за работу с населением дрючат, как и оперов.

– Само кафе, как вам? Спокойное место было? Там уголовники местные не собирались?

– Да какие уголовники местные? У нас тут откровенных бандосов нет, которым в кабаках нужно заседать, типа это наш штаб, а все остальные идите нахрен. Торчки, алкашня, гопники. Они все больше по собственным дворам да

по подъездам отираются. А в «Каламбуре» спокойно было. Ни вызовов никогда, ни сигналов.

– Так есть у вас собственная агентура, выходит? Раз требуют? – уточнил Бегин.

– Не без того, естественно, но... – Латыпов удивился. – Зачем вам, простите?

– Хотел попросить, чтобы они к «Каламбуру» этому присмотрелись получше. Потусовались там, пивка выпили. Послушали, о чем завсегдатаи говорят. Может, версии какие-нибудь всплывут. Или имена.

Латыпов поскреб затылок.

– Можно попробовать. Хорошо. Только вы мне поручение напишете? У меня же своей возни выше крыши. И каждый день бумажки требуют, требуют...

– Не вопрос.

– Только, – помялся Латыпов, раздираемый любопытством. – Только разве Сергеева этого не просто так грохнули? Потому что оказался не в то время не в том месте? Как и все остальные, кого эта банда отстреливает?

– Если что-то всплывет, сразу ко мне. У меня временный кабинет на третьем, вам в дежурке скажут. – Латыпов покивал. Его задело, что следователь просто пропустил его слова мимо ушей. – И еще. У вас на участке с анашой как?

– Мда, тут вы не совсем по адресу, – вздохнул Латыпов. – Понимаете, участок у меня немаленький. Я тут один. Работы по горло. Так что как следует изучить территорию и времени

нет. Я ведь здесь недавно, полгода всего.

– Seriously? А до вас кто был? Я бы с ним поговорил.

– Не получится, – помрачнел Латыпов. – Меня в Домодедово перевели не просто так. Моего предшественника убили. Отморозки какие-то, на пустыре, месяцев семь назад. Вы, может, видели его фотографию на доске на первом этаже? Зубов фамилия. – поспешно Латыпов продолжил: – А что касается наркоты, я тут вспомнил. Как-то мне рассказывал на эту тему один из судимых, который у меня на учете стоит. Говорил, что травокуры местные здесь не в почете. Говорил, мол, в Москву они мотаются за травкой. Так что извините, я бы с радостью, но, кажется, тут я вам не помощник.

К этому времени полковник Лопатин уже был в управлении. Как обычно, он запросил сводку за последние сутки и передал через секретаршу, во сколько будет ежедневный развод с замами. Сегодня планерку он назначил на полчаса раньше обычного – ведь впереди еще куча работы по банде ДТА, включая заседание штаба.

Наливая чай в свою выдающуюся кружку, Лопатин увидел в окне Бегина, разговаривавшего с участковым. Полковник нахмурился каким-то своим мыслям. И, подумав, ткнул кнопку селектора и бросил секретарше, чтобы Рябцев зашел к нему.

Поднявшись к начальнику управления, Рябцев застыл в дверях.

– Чем сейчас занимаешься, Рябцев?

– Работаем, товарищ полковник, – чуть смущенно отрапортовал Рябцев. – Вместе с угонщиками клиентуру трясем. Ищем машину преступников по сводкам угонов.

Лопатин сухо покосился на опера.

– Рад, что в группу перевели?

Соврать было бы нехорошо. Выражать радость тоже не стоило. Рябцев лаконично кивнул:

– Так точно.

– Вот что, Рябцев... Не знаю, о чем ты говорил с этим следком, Бегиным. В группу решил тебя перебросить я. И знаешь, зачем?

Бегин не говорил ему ничего: просто ночью на месте преступления велел ему поговорить с выжившим после нападения парнем, а под утро послал его помогать угонщикам. О том, что Рябцев включен в группу, опер узнал только что от полковника. И сразу не нашелся, что сказать. Это было неожиданно.

– Спасибо, товарищ полковник. Я не подведу. – Лопатин, вскинув брови, выжидающе смотрел на Рябцева. Мысленно пробежав по их короткому диалогу, Рябцев опомнился, что ему задали вопрос, и торопливо пробормотал: – Не знаю, Сергей Вениаминович. Я сделаю все, что нужно.

– Вот и хорошо. Приглядывай за этим Бегиным.

– Приглядывать?

– Делай то, что он говорит. Вози его, куда скажет. Но дер-

жи ухо остро. Если услышишь что-то новое, что-то важное — я имею в виду, по нашей банде — сразу ко мне. Все понял?

Ничего не понимая, Рябцев тем не менее уверенно кивнул.

Глава 11

– Говорите, они забирают у своих жертв какие-то мелкие вещи?

– Водительское удостоверение, – кивнул Бегин. – Или со-
товый телефон. Или старый планшетный компьютер.

– То есть, сравнительно мелкие вещи, и об убийстве с целью ограбления речи здесь не идет? – криминальный психиатр поиграл ручкой. – Станный, конечно, выбор. Знаете, это ведь одна из отличительных особенностей серийного убийцы. Многие из них являются коллекционерами. Кто-то состригает у жертвы ногти, кто-то прядь волос, кто-то забирает ключи или губную помаду. Как сувенир, на память.

Психиатр получил материалы по делу еще утром. По просьбе Бегина его, одного из лучших специалистов в своей сфере, также включили в следственную группу на правах консультанта. Тщательно изучив материалы, ближе к вечеру он согласился поговорить со следователем.

– У нас есть версия, что это серийные убийцы, – сказал Бегин. – Группа серийных убийц.

Но психиатр покачал головой.

– Очень и очень сомнительно, Александр Ильич. Это маловероятно.

– Почему?

– Вообще-то говоря, маньяки не собираются в группы.

Эти люди одиночки по своей натуре, потому что, как им кажется в их больном воображении, им противостоит весь мир. Они противопоставляют себя и мир, то есть всем людям вокруг. Ведь в банде несколько человек, верно?

– Минимум трое.

– Это не маньяки, – повторил психиатр. – Да, автомания – звучит красиво, я сегодня в какой-то газете наткнулся на это слово. Но вот еще что. Любой психолог знает, что маньяк от убийств получает что?

– Удовольствие?

– Наслаждение, все правильно. Маньяк делает свое дело не спеша, растягивая удовольствие. Предпочитая такое место, где он будет чувствовать себя в относительной безопасности. Лес, подвал, чердак, квартира жертвы, где нет никого кроме них двоих... Он, понимаете, получает особое, ни с чем для его больной психики не сравнимое удовольствие, когда жертва долго мучается и медленно мучительно умирает. А здесь... – психиатр указал на толстую папку с материалами по делу. – Мгновенный расстрел, причем со спины. Контрольный выстрел в голову, сделанный без промедления. Да и места преступления – трасса – не способствуют растягиванию, так сказать, удовольствия. Поэтому, Александр Ильич, те, кого вы ищете – не маньяки. Понимаю, это многое бы объясняло, но это, очевидно, ложное направление.

Бегин задумчиво слушал психиатра.

– Но ведь были случаи, когда психически неуравновешен-

ные люди каким-то образом оказывались вместе?

– Были, не буду спорить. Но как часто это происходит? На моем веку было только дважды. А я криминальной психиатрии посвятил, на минуточку, сорок лет своей жизни. – психиатр снял очки с толстыми линзами и принялся протирать их мятым платочком. – Да, случаи такие были, конечно. Но. Там все построено на страхе. Психически нездоровый человек формирует группу, подавляя всех остальных и тем самым заставляя вести себя таким же образом, как и он.

– То есть, это возможно?

– Маловероятно, – настаивал психиатр. Водрузив очки на нос, он прекратил щуриться. – Но все-таки есть кое-что в этой банде, что может снова навести на мысль о маньяке.

– Что?

– Мечь Богу.

Бегин невольно удивился.

– Простите?

– Мечь Богу, – повторил психиатр. – Это такой достаточно редкий вид мотивации, который иногда встречается у серийных убийц. В таких случаях преступник компенсирует какие-то собственные фобии и страхи эдакой, как бы вам сказать, властью. Властью над жизнью и смертью людей.

Бегин кивнул. Как раз это было ему хорошо понятно.

– Чудовища, которые породил человеческий разум, куда страшнее всех тех чудищ, которые существуют на самом де-

ле. А страх и ненависть искалечили куда больше людей, чем все ужасы, вместе взятые.

Психиатр задумчиво покосился на Бегина. Помолчал, собираясь с мыслями.

– Мда... Так вот. В данном случае речь может идти о чем-то похожем. Параллельно, учитывая почерк и другие детали, может быть еще и подсознательное желание скомпрометировать правоохранительные органы. Показать, что все они беспомощны перед ними.

– И вот кстати. Как насчет терроризма?

– Да, Александр Ильич, меня также ваши коллеги из госбезопасности попросили проанализировать версию террористической направленности этой группы.

– И что вы скажете?

Психиатр улыбнулся, но вышло невесело.

– Телевизор приучил нас, что террористы – это те, кто что-то взрывает. Хотя сейчас, конечно, на фоне новостей с Ближнего Востока – тот же Исламский фронт джихада, например – все в головах людей немного вернулось к первоначальному своему смыслу. Но в глазах обывателя террорист – это человек, который взрывает бомбу в месте большого скопления народа. Юридически говоря, как вы и сами, наверняка, знаете, это неправда. Терроризм – это воздействие на органы власти или на население путем внушения им чувства незащитности перед угрозой. Чувство страха. Собственно, страх – это и есть синоним терроризма, – психиатр усмех-

нулся. – Не будет СМИ, которые каждые пять минут во всех подробностях смакуют детали терактов – не будет и терроризма. Он перестанет иметь смысл.

– Банда внушает страх, – возразил Бегин. – Судя по всему, сейчас гудит все Подмосковье.

– Интернет, что поделаешь. Но если бы эта банда была какой-то террористической группировкой, то и действовать они должны были бы соответственно. Например, на территории нескольких регионов. Они бы увеличивали площадь распространения ужаса и страха среди населения. Повышали накал, понимаете? – психиатр развел руками. – А мы имеем локальный характер преступлений. Их словно что-то связывает с этой трассой.

– Что? Например?

– Возможно, когда-то с кем-то из них или с их близкими что-то произошло на этой дороге. Какая-то трагедия. Убийство, или ДТП. – психиатр вздохнул и признал: – Я пока могу строить лишь версии, достаточно абстрактные версии.

Бегин мысленно согласился. Беседа с криминальным психиатром была достаточно любопытной... но ничего ему не дала.

Бегин уже собирался уходить, когда психиатр задумчиво произнес:

– В столичном регионе концентрируется достаточно криминальных элементов. Большой город привлекает всех, в том числе и тех, кого нам бы не хотелось здесь видеть.

А здесь, на дороге, где десятки и сотни километров трассы, где можно уйти куда угодно, свернуть и скрыться любой проселочной дорогой, эти люди чувствуют себя почти безнаказанно.

– Как стая волков в лесу, – кивнул Бегин.

– Что-то в этом роде. Это их территория. – психиатр покачал головой. – Забавно, что вы сказали про волков... Знаете расхожую фразу про то, что все люди делятся на два типа? На овец и на волков?

– Все ее знают.

– Иногда мне кажется, что вся наша наука, изучающая человека и животный мир, где-то не там свернула. И теперь строит теории, не имеющие никакого отношения к реальности. Потому что в жизни мы часто видим вокруг себя хищников, которые ведут себя, как... как другой биологический вид. Как мясник, который рубит мясо топором и не испытывает по отношению к свинье, которую разделывает, никаких угрызений. Ведь это другой биологический вид – так зачем ее жалеть?

Бегин долго смотрел на психиатра, думая над его последними словами. Он мог бы многое рассказать собеседнику об этом. Но не стал. Бегин лишь молча кивнул на прощанье и вышел из кабинета.

На посту ГИБДД царило оживление. Еще за сотню метров Нос различил несколько машин у обочины, остановленных гаишниками. Инспектора в желтых накидках со светоотражателями, натянутых поверх плотных бронежилетов, снова-ли вокруг. Подъезжая ближе и сбавляя, как того требовали правила, скорость, Нос заметил фургон без опознавательных знаков, стоявший прямо перед постом ДПС. Около фургона стояли двое крепких бойцов СОБРа с автоматами в руках.

Взмахнула вверх полосатая палка. Проскочить Носу не дали. Инспектор ГИБДД, чуть обрюзгший усатый тип лет 45, шагнул к замершей в пяти метрах от него ярко-желтой спортивной BMW.

– Какие-то проблемы, начальник?

Инспектор представился, пробубнив что-то нечленораздельное себе под нос, и бросил знакомое всем водителям «Документы». Нос выудил из барсетки, валявшейся рядом на пассажирском сиденье, портмоне с правами, техпаспортом, страховкой и удостоверением.

– Носов Антон Львович? – инспектор бросил на него взгляд, сверяя лицо с фотографией в водительском удостоверении.

– Угадали.

– Куда едем?

– В Москву, куда же еще. Домой.

– Откуда направляетесь?

– Со сборов, – терпеливо отозвался Нос. Инспектор во-

просительно вздернул брови, шурша бумагами Носа, и тот счел нужным добавить: – Я из МЧС, начальник. Там удостоверение есть. Страницу перелистните.

Инспектор так и поступил.

– Откуда именно вы сейчас едете?

– Станция МЧС номер 24 в городе Подольск, – послушно ответил Нос, хотя эти расспросы уже начинали его раздражать. – Адрес назвать?

Инспектор вернул документы. Внимательно осмотрел салон, насколько позволял обзор через открытое водительское окно.

– Я попрошу сдать вас образец слюны. Вы не против?

– Что? – Нос опешил. – Это еще зачем?

– Вы вправе отказаться, но тогда мы будем должны вас проверить. И мы просим всех водителей пойти полиции навстречу. Это наша работа. – инспектор недовольно добавил, устав, очевидно, от возмущений со стороны водителей за время своей смены: – Вас же оберегаем.

До Носа начало доходить.

– А, это из-за тех убийц? Слышал-слышал. Да не вопрос, командир. Надо так надо. Мне плюнуть куда-то надо, или как это вообще делается у вас?

– Просто плюньте в пробирку. Неважно, сколько. А я сейчас перепишу ваши личные данные. В следующий раз, если вас тормознут на этом или другом постах, просто скажите, что образец уже сдали.

– А поверят?

– Вы будете в базе. А если сбой какой-нибудь – ну, плюнете еще раз. Харкнуть-то лишний раз не жалко, наверное, а?

Инспектор ухмыльнулся, переписывая данные Носа из водительского удостоверения. Затем выудил из кармана пробирку, запакованную в полиэтилен, разорвал упаковку и вручил Носу. Тот поколебался, не зная, как подступить. Плюнул. Слюна угодила в стенку пробирки и, пузырясь, медленно потекла вниз.

– Еще?

– Да хватит, куда еще, я ж не анализ мочи прошу. Сойдет.

Пока инспектор закупоривал пробирку, прикрепляя к ней бумажку с именем-фамилией и датой рождения Носа, тот осведомился:

– Вчера ехал, у вас тут попроще было. Меня не тормознули даже. Что, командир, опять кого-то убили?

– Недалеко отсюда, километров пять, – буркнул гайшник. – Видел, может, ограждение разделительное, покорежено все? Ночью двух пацанов порешили. Звери драные, блин. Из-за них пашем теперь без выходных, без проходных.

– Так вы трассу перекрыли бы, вас же много. Вертолеты, или там не знаю, патрулей побольше?

– Больше сотни километров только на М-4, – недовольно проворчал инспектор, возвращая ему документы. – Во всей Москве не будет столько народу, чтобы всю трассу обложить. А остальное все оголить, да? Свалит вся полиция на трассу,

за город, а Москва – да хрен с ней, пусть ее хоть взорвут все. Так, что ли? Умные, блин, все... Счастливого пути.

Нос остался один. Сел за руль, спрятал документы. Завел двигатель. БМВ послушно тронулась с места, разгоняясь за считанные секунды благодаря мощнейшему двигателю, который Нос с Федором тюнинговали и устанавливали самостоятельно, снимая все на видео и потом даже выложив в интернет.

Нос думал, вспоминая недавнюю встречу с Федором. Вздохнул, чертыхнулся себе под нос. И взял сотовый телефон с панели приборов.

– Алло, Укол? Это я. Слушай, что у вас там, все в силе? По поводу твоей идеи банду на дороге половить? Хорошо. Считай, я в деле.

Глава 12

Этот долгий день наконец закончился. Когда тьма опустилась на Домодедово, Рябцев, все еще остававшийся водителем Бегина, несмотря на включение в состав оперативно-следственной группы, повез его на казенную квартиру на окраину города.

– Сегодня ночью они вряд ли выедут на дорогу, – сказал Рябцев, чтобы заполнить пустоту. – Можно отоспаться будет. Наконец-то, а?

– Да, наверное, – безучастно отозвался Бегин.

Рябцев покосился на него. Опер чувствовал себя виноватым перед следователем, который, и он догадывался об этом, несмотря, а может, как раз благодаря, словам Лопатина, помог ему вернуться в игру, а Рябцев теперь должен шпионить за ним, как последний стукач. Это мучило прямого и открытого Рябцева, не привыкшего хитрить. И ему даже начало казаться, что Бегин в курсе, хотя он понимал, что все это бред и игра совести в его голове.

– Как себя чувствуешь? – начал с другой стороны Рябцев. – Не спал же ни хрена ночью.

Бегин пожал плечами.

– Ты это, – осторожно продолжал Рябцев. – Принял лишка походу вчера...?

Бегин откликнулся не сразу.

– Это было заметно?

– Естественно, было. Особенно ночью... – Рябцев помолчал, думая, продолжать или нет, но все-таки позволил себе открыть рот снова. – Знаешь... Не мое дело, конечно. Ты старший следователь по делу, тебя сюда высокие люди из Москвы прислали, и все такое. Но... Ты бы завязывал с этим делом. Ты не подумай, что я в душу лезу, нет. Просто... – опер вздохнул. – Я одно время тоже выпивал. Сильно выпивал. Каждый день. По личным причинам. Остановиться не мог. Это достаточно долго продолжалось. А потом, когда жизнь потихоньку устаканилась, я обернулся назад. Посмотрел типа со стороны. Так вот, ничего хорошего в этом нет. Ты просто гробишь себя. Спускаешь собственную жизнь и здоровье в унитаз. Ты думаешь, что получаешь какую-то поддержку, что благодаря бухлу тебе легче пережить какие-то вещи... Но это все обман. Ты просто медленно убиваешь себя, свою нервную систему, свои внутренние органы. Свои мозги. Вся эта поддержка, все эти мысли, что с бутылкой пережить что-то легче... Это вранье и обман, которые внушает тебе эта самая бутылка. Отрава шепчет тебе, и ты ведешься, думаешь, что слышишь собственный внутренний голос.

Рябцев вдруг поймал себя на мысли, что болтает без умолку, а Бегин ни разу даже не взглянул на него. И опер осторожно закончил:

– Понимаешь?

Бегин курил, выдыхая в чуть приоткрытое окно тонкие

струйки дыма, и ответил не сразу.

– Ты ничего не знаешь обо мне, – устало произнес он. – Ты ничего не знаешь о моей жизни. О том, через что я прошел. Ты не знаешь вообще ничего. Меня очень умиляют люди, которые, абсолютно не зная предмета обсуждения, лезут раздавать свои якобы бесценные, но на самом деле нахрен никому не упавшие советы. И пусть этим чувством собственной важности и собственной псевдо-мудрости страдают почти все, я большую часть времени готов закрывать на это глаза. В конце концов, люди – это просто люди. Но иногда эта навязчивость и тупость напрягает. – Бегин выбросил в окно окурок и, поднимая стекло, одарил Рябцева холодным взглядом. – И да, ты прав, это не твое дело. Просто крути эту чертову баранку.

Рябцева словно ударили. Он бы с удовольствием сейчас вырубил этого наглого урода коротким ударом в челюсть, это заняло бы меньше секунды – тот бы даже не понял, что произошло.

Но Рябцев ничего не сделал. Он даже не издал ни звука. Лишь стиснул зубы и вперил взгляд вперед.

Сбор объявили ровно в 11 вечера на пустыре на Юго-Западе. Пустырь был знакомым, очень часто стритрейсеры собирались здесь – в паре минут езды от пустыря находи-

лась улочка, идеально подходящая для любителей скорости. Но сейчас их путь лежал не туда. Да и новичков, которым идеально подходило то место, чтобы учиться брать разгон и знакомиться с другими фишками, сегодня не было. На пустыре примерно за полчаса до назначенного срока начали урчать двигатели, и друзья Федора начали стекаться на тюнингованных и нет, дорогих и не очень машинах. К одиннадцати часам пустырь был почти заполнен. По подсчетам Федора, здесь собралось около 45—50 автомобилей.

– Взял свой травматик, – похвалился Смокин, демонстрируя висевший в наплечной кобуре пистолет.

Волков и Кукарский подошли к Федору с ружьями в руках. Федор взял одно из них. Помповый дробовик на пять патронов.

– Проблем не будет?

– Алё, Укол, у меня ж лицензия. Показать, ёпте?

– Ментам показывать будешь.

Бобер, известный любитель погулять с противоположным полом и пользовавшийся у девушек, непонятно почему, постоянным успехом, подвел к Федору двух симпатичных брюнеток с рюкзачками за плечами.

– Это Настя, а Иру ты знаешь. Они обе медички, закончили медицинский колледж. С собой аптечки взяли. На всякий случай. Если вдруг будет горячо, хотя бы первую помощь будет кому оказать.

– Девчонки, не боитесь?

Ира захихикала, а вот Настя серьезно кивнула:

– Ваня все рассказал. Мы готовы.

Трое захватили с собой бронежилеты. Почти десять человек приехали с бейсбольными битами – среди них и Нос, которого Федор был особенно рад видеть. А у одного из единомышленников-стритрейсеров Федор с изумлением для себя обнаружил... самую настоящую военную каску. Подумав, он пришел к выводу, что такая защита не помешает, но больше она пригодится разведчикам. Федор нахлобучил каску на голову Волкова. И обратился ко всем, напрягая голосовые связки, чтобы его слышали все:

– Итак, народ. Спасибо всем, кто пришел. Те, кто все знают, услышат еще раз, а те, кто ничего пока не слышали, будут в курсе. Мы едем не прикалываться. Наша задача очистить наши улицы от пид... сов, которые мочат людей. Пацаны поговорили со знакомыми ментами. Мы знаем, что этих пид... сов скорее всего трое. Трое козлов с пушками. Нас сами видите сколько. Так что преимущество на нашей стороне. Но каждый должен отдавать себе отчет в том, что это не прикол! На трассе могут быть опасные преступники, убийцы, которые уже положили кучу людей. И они не будут медлить и думать перед тем, как нажать на курок – если приспичит, они будут палить без промедления и церемоний! Все уяснили?

Толпой всегда безопаснее, и по рядам стритрейсеров пронесся гомон одобрения и согласия. Против никто не был.

– Отлично. Теперь смотрите. Наша задача – просто прочесывать трассу. Будем кататься кругами и смотреть в оба. Если что-то подозрительное видим, внимание: никто не лезет на рожон! Первыми у нас будет идти разведка, это Нос, Волков и Кукарский. Они воевали, работали в органах и умеют обращаться с оружием. Разведка по сигналу подрывается и обкладывает подозрительную машину. И там уже по ситуации будем решать. Остальные колонной встают рядом, чтобы у уродов не было вообще возможности свалить. Только в обочину или пешком по встрече разве что. Чем плотнее будет кольцо, чем больше будет народу – тем больше шансов, что они растеряются, офигеют и не станут стрелять, потому что такую толпу не перестреляешь. Наша сила в том, что мы быстрые и нас много!

– А если начнут стрелять? – раздался голос из толпы.

Федор переглянулся с Носом. Тот зычно откликнулся:

– Если слышите выстрелы, никакого геройства, просто плюхайтесь рожей в асфальт, пока все не кончится! Остальное мы берем на себя.

А вскоре все разошлись по машинам. Федор и Нос с ним на пассажирском сиденье и Кукарский с Волковым в другой машине двигались первыми. Остальные выруливали с пустыря следом и, пристраиваясь в хвост, устремлялись за головными авто. Бесконечная с виду колонна из десятков спортивных машин самого разного класса и калибра, прорезая ночь рыком двигателей, устремилась к выезду из мегаполиса.

Рябцев дома после ужина не удержался и выпил пару рюмок – чтобы успокоиться. Мысленно он материл и проклинал Бегина последними словами, насколько позволял запас матерных слов. Крепкий алкоголь, разливаясь теплом по телу, сделал свое дело, и, чуть успокоившись, Рябцев заставил себя плюнуть на столичного урода. Вместо этого он сосредоточился на другом. Что он может сделать?

Вика занималась домашними хлопотами и ему не мешала. Опер открыл ноутбук и через поисковик ввел слова «Банда ДТА», чтобы посмотреть последние новости в сети. Ничего интересного он не увидел, кроме довольно крупной статьи, автор которой – некая Светлана Уколова – подробно касалась игры, в честь которой народная молва нарекла дорожных убийц.

Сооружая аккуратную тонкую самокрутку, Рябцев задумался. После чего зашел на торренты и ввел «Игра ДТА скачать».

Бегин в старой пустой конспиративной квартире при УВД Домодедово занимался вечером совсем другим. В первую очередь он открыл ноутбук и через программу видеосвязи вышел на связь с психологом. Это было условие, после обещания соблюдать которое его в принципе согласились отправить в эту командировку. «Нам не нужно, чтобы у тебя в са-

мый неподходящий момент снова был срыв», – так сказал психолог, обозначая проблему.

После общения с психологом Бегин забрался в холодильник. Холодная – впрочем, рукой Бегин не чувствовал ничего и мог полагаться лишь на здравый смысл и длительное время охлаждения стеклянной емкости в холодильнике – бутылка пива встала на стол. Бегин закурил и потянулся уже за открывашкой, чтобы откупорить бутылку. Но в его голове некстати возник голос Рябцева и весь его путанный и сбивчивый монолог про выпивку.

Возможно, это была паршивая идея. Ночь покажет. Но Бегин со вздохом убрал пиво назад в холодильник. Вместо этого он прибегнул к средству, которое очень не любил – медикаментам. Выудил из сумки упаковку с таблетками и послал в рот сразу три капсулы. Успокоительное и снотворное.

Он вспомнил слова, сказанные полчаса назад психологу – Иванюк, Иванченко или как там его зовут, Бегин никак не мог запомнить фамилию приставленного к нему специалиста.

– Их преступления, как говорят, напоминают персонажей одной компьютерной игры-стрелялки. Банду даже назвали в честь этой игры. Забавно, да?

– Что именно?

– Ну как. Еще до нас многие люди говорили про то, что весь этот мир – просто спектакль, шоу, картинка. Так будут говорить и после нас. Эта мысль про то, что все вокруг по-

нарошку, ненастоящее, всегда преследовала людей и всегда будет их преследовать. А уж сейчас, когда появились компьютерные игры, которые очень неплохо симулируют реальность, тем более. Это просто какая-то навязчивая идея у человечества. Убедиться, что все вокруг – вранье, что всего этого нет. Почему?

– А вы как думаете? – как всегда, вопросом на вопрос ответил психолог.

– Какая разница. Фишка в том, что человечество живет, подсознательно веря, что реальности в том виде, в котором они видят ее двадцать четыре часа в сутки, не существует. Что все вокруг какое-то подобие компьютерной игры. Сложная, бессмысленная, а иногда безумная и кровавая. Компьютерный симулятор с полным эффектом присутствия. Это ведь забавно, да? Мечтать о чем-то годами напролет. Проклинать себя или других людей за какие-то промахи или ошибки. Карьерные взлеты, хождение по головам, дразги между родней из-за наследства, политика... Мы свято верим во всю эту херь и прем вперед, как локомотив, хотя даже понятия не имеем, куда. А потом в конце всего этого бесконечного и бессмысленного сериала – тот самый белый тоннель, про который так любят говорить люди, пережившие клиническую смерть. Будет очень забавно, если окажется, что где-то там, позади этого облака белого света, мы вдруг снимаем очки виртуальной реальности. Видим вокруг своих друзей и близких. Узнаем их. Каких-то людей, о существова-

нии которых не подозреваем сейчас и здесь, пока мы верим, что игра вокруг это все, что у нас есть. И вот мы встаем из-за компьютера, потягиваемся. Улыбаемся и говорим: «Черт, крутая была игра. Ну что, чем займемся? Как насчет того, чтобы заказать пиццу или сходить куда-нибудь?».

Думая об этом и сейчас, спустя какое-то время после окончания сеанса с психологом – тот сделал пометку о том, что назначенный час общения с Бегиным вышел, и теперь на несколько суток о существовании следователя можно забыть – Бегин тем не менее заставил себя взяться за дело. Он достал из рабочей папки пачку фотографий, захваченных вечером из управления, и коробочку с кнопками-втулками. И принялся прищипливать снимки – один за другим – к неровной, покрытой выцветшими старыми обоями, стене.

Ни Бегин, ни Рябцев не подозревали, что в это самое время в помещении дежурной части управления ФСБ по Московской области раздался звонок, который поведет реку совсем в другое русло.

– Я из Балашихи, – произнес бесцветный голос в трубке дежурного. – Хочу сообщить о подозрительных людях, которые живут по соседству. Мне кажется, это по вашей части.

– Слушаю вас.

– Это неместные, какие-то мусульмане. Я не имею ничего против мусульман. Но их там много. Мужчины, женщины, постоянно приезжают и уезжают какие-то машины. А сегодня я видел, как они размахивали перед домом оружием.

У них были пистолеты. Настоящие. И кажется, я даже слышал выстрелы.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Считайте, что это анонимное сообщение, мне не нужны неприятности. Адрес запишете? Балашиха...

В эту ночь в региональном управлении контрразведки дежурил полковник Расков. Информация об оружии сразу легла ему на стол. Дежурный добавил, что отследить звонок не удалось – звонили не со стационарного или сотового телефонов, а через интернет с помощью специальной программы, отследить местонахождение звонившего в которой невозможно технически.

Когда спецназ ФСБ с помощью ручного тарана вынес входную дверь коттеджа в подмосковной Балашихе, здоровенный детина, дежуривший у входа, с криком бросился внутрь дома. Первый ж ворвавшийся внутрь штурмовик мощным рывком приковал его к полу, ударом колена между лопаток сковав дыхание и заставив заткнуться. Группа бойцов в одинаковых черных костюмах с автоматами наизготовку бросились врассыпную по комнатам, разделяясь по парам и отработанными десятки и сотни раз на полигонах и боевых заданиях действиями проверяя помещение за помещением. Двое мужчин, в которых по внешности угадывались выходцы из Средней Азии, считали деньги в гостиной и с момента крика детины успели лишь вскочить.

– На пол! Руки! Лежать!

На втором этаже коттеджа люди находились лишь в одной из комнат. Бойцы, мощным ударом распахнув дверь, застали потного пузатого типа с золотой цепью на шее, который распластался на кровати, и скачущую на нем извивающуюся змеей девушку с раскосыми глазами. Барышня тут же соскочила с типа, натягивая на обнаженную грудь кусок простыни, и безостановочно залепетала что-то на родном языке.

Зато подвальное помещение, мало приспособленное для проживания, было битком. На раскладушках здесь дремали девушки, лет по 20 максимум. При появлении спецназовцев они сжались, затравленными глазами взираая на вооруженных людей в черном.

Расков в бронежилете, убирая не пригодившийся ему табельный ствол, прошел в коттедж и увидел вереницу азиаток, которых из подвала выводили бойцы и усаживали на скамьи и стулья вдоль стены.

– Бордель, – поведал Раскову старший ударной группы. – Только для своих.

– И сам вижу, что не музей. Оружие?

Один из бойцов поднял с пола дробовое ружье.

– Помповик. Был у охранника на входе.

Расков нахмурился. Это было совсем не тем, что он ожидал. В этот момент с лестницы, ведущий на второй этаж, выглянул еще один боец.

– Я кое-что нашел.

Вслед за спецназовцем Расков зашел в одну из пустующих

спален на втором этаже, где и обнаружил тряпичный сверток, о котором говорил боец. Тот находился в нижнем ящике комода – единственного места, где можно было хранить что-либо. Между складок тряпки, завязанной в узел, виднелся чуть торчавший наружу вороненый ствол пистолета.

– Интересно-интересно, – дежурно буркнул Расков, потому что на самом деле ничего особо интересного здесь не было. Аккуратно он развязал сверток и уставился на два травматических пистолета, находившихся внутри. Это были именно травматика, но, лишь коснувшись одного из них, Расков сообразил, что стволы были кем-то переделаны под стрельбу боевыми патронами. Из ствола чем-то пахло. Расков осторожно приблизил пистолет к носу, чтобы убедиться.

– Из него недавно стреляли. Платок какой-нибудь есть?

Боец повертел головой, нашел какое-то тряпье на стуле и протянул Раскову. С помощью ткани, чтобы не заляпать своими отпечатками пальцев находку, Расков выудил обойму из пистолета. И его глаза хищно сощурились при виде боеприпасов, натканных в обойму. Чтобы убедиться, он выщелкнул из магазина один из патронов и поднял его на свет.

– Серийный номер спилен напильником, – прокомментировал Расков вслух. В памяти мгновенно всплыли заключения криминалистов, колдовавших над гильзами с мест преступления банды ДТА. Точно такие же патроны. Быстро, как никогда, соображая, Расков бросил бойцу через плечо: – Вы-

зываем группу. Срочно.

Глава 13

Когда Бегин прибыл в управление, он сначала не сообразил, шутит ли дежурный или просто туго соображает после заступления на смену час назад. Потому что на вопрос про Лопатина нач дежурной смены удивленно пробормотал:

- Штаб уже заседает наверху. Там все, и ФСБ, и ваши...
- Какие ваши?
- Ну, из комитета.

Бегин быстро поднялся наверх. В кабинете яблоку негде было упасть. Опера из большинства подразделений угрозыска, которых Бегин уже знал. Несколько новых лиц – очевидно, оперативники из областного управления контрразведки. Криминалисты. Психиатр, по просьбе Бегина же совсем недавно включенный в группу. Во главе стола сидели Лопатин, Расков в традиционном для него штатском и кто-то новенький. Сухощавый мужчина средних лет в очках и при галстукe. Расков заметил Бегина сразу же, но и бровью не повел, продолжая говорить собравшимся:

– ...Анонимный звонок в региональное управление ФСБ. Наши коллеги быстро отработали сигнал. Несколько оперативников провели разведку. Выяснилось, что дом арендованный, и в нем на самом деле находятся лица, хм, выходцы из Средней Азии. Было решено провести рейд. К счастью, Валерий Вячеславович – Лопатин указал на Мальцева, – был

на связи и быстро помог выбить санкцию на обыск. И теперь у нас на руках наконец-то есть что-то существенное. Что-то, от чего мы можем танцевать. Орудие убийства.

Нахмурившись и ничего не понимая, Бегин встал у стены, полуприсев на подоконник, и внимательно слушал.

– Изъяты два ствола. Травматические пистолеты, переделанные под стрельбу боевыми. Патроны соответствуют тем, из которых стреляла банда ДТА во всех эпизодах.

– И только что поступила информация от баллистов, – добавил Лопатин, показывая какие-то бумажки, которые он просматривал. – На месте последнего двойного убийства наши криминалисты нашли несколько пуль, с которыми можно было работать, и провели сравнительный анализ. В этом притоне ночью было изъято не абы какое оружие, а орудие убийства.

– Публичный дом контролировала одна из среднеазиатских группировок, – продолжал Расков. – Непосредственно на месте мы задержали троих. Ночью были задержаны еще пять активных членов группировки. Сейчас мы с ними работаем. Уже есть информация, что лидеры группировки были связаны с различными ОПГ из других регионов.

Лопатин наконец посмотрел на Бегина – спокойно и даже чуть удивленно, словно не понимая, что следователь здесь забыл. Бегин решил, что пора вмешаться.

– Что происходит вообще?

– Простите? – Расков тоже решил «заметить» Бегина. –

Добрый день, Александр Ильич. Вы не в курсе, да? Мы ночью активно поработали...

– Почему я не в курсе? Я старший следователь по делу. Расков выдержал эффектную паузу.

– Боюсь, что уже нет, Александр Ильич. Ночью мы не стали вас дергать, вы после последнего убийства итак почти двое суток были на ногах. Поэтому мы обратились в головной штаб, и к нам подключили старшего следователя Мальцева. – снова жест в сторону человека в очках. – И по ходу дела все решили, что ему лучше вплотную подключиться к расследованию здесь, у нас, в Домодедово, поближе к местам совершения преступлений. С головным штабом и с комитетом все согласовано. Так что с сегодняшнего дня Валерий Вячеславович возглавляет следствие по банде ДТА.

Мальцев решил вмешаться. Его голос был глубоким и спокойным:

– Вы ведь Бегин? Мы с вами пересекались пару раз... У Подмосковья есть свои особенности. Незначительные, но они есть. Как, наверное, и у каждого региона. Я здесь проработал долгое время и хорошо с ними знаком. А вы хороший следователь, Александр. И я настоял, чтобы вы остались в составе группы. В конце концов, помимо основной версии, у нас есть и другие, правильно?

– Да, на самом деле, – засуетился Лопатин. – Не знаю даже, почему вам с утра никто не позвонил. Забегались все. Сами видите, у нас тут работа кипит и... Так, вы, там, по-

двиньтесь. Расселись, как в кабаке... Александр Ильич, при-
саживайтесь! Так, на чем мы остановились?

– Да, – Расков кашлянул и вернулся к своим бума-
гам. – По местам проживания задержанных сейчас проводят-
ся обыски. Экстремистской литературы пока никакой не на-
шли, но работа продолжается – и не исключено, что еще
не вечер. Дальше. У задержанных взяли и направлены на экс-
пертизу пробы с образцами ДНК. Сейчас наши оперативные
сотрудники проверяют все связи задержанных, включая все
контакты, телефонные звонки и так далее.

– Так, давайте план совместный наметим, – ввернул Маль-
цев. – Со вчерашнего дня ход расследования находится под
личным контролем как председателя Следственного комите-
та, так и министра внутренних дел, так что...

– Да, кстати! – Расков взглянул на представителя пресс-
службы, застывшего в уголке с блокнотом в руках. – Важный
момент. С этого момента ход расследования мы засекречи-
ваем. Никаких утечек в СМИ и никакой информации, кроме
дежурных слов типа «ведется расследование, отрабатывают-
ся различные версии». Все ясно? Нам нельзя спугнуть нико-
го, если вдруг еще кто-то из банды остался на свободе.

– Так, с основным определились. Теперь давайте по бли-
жайшим оперативным мероприятиям. – Лопатин шустро за-
шуршал бумажками. – Александр Ильич, у вас какие-нибудь
предложения будут или...?

Лопатин замер на полуслове, ища глазами Бегина и не на-

ходя его. Один из оперов, которым минуту назад он же велел потесниться, подал голос с конца зала:

– Он развернулся и ушел.

– О, здравствуйте. – Наташа была удивлена, увидев за одним из столиков кафе «Каламбур» Бегина и Рябцева. – Вы по делу или...?

– Просто перекусить, – улыбнулся Бегин. – Шашлык куриный, он свежий?

– Конечно, само собой.

– Две порции. И салат, вот этот.

Бегин ткнул пальцем в меню. Наташа кивнула, сделала пометку в блокноте.

– Что-нибудь еще?

– Кофе. Крепкий.

– А вам?

– Бутерброд и кофе, – проворчал Рябцев. Наташа вежливо улыбнулась уголками глаз. – Курить у вас можно?

– Это не особенно поощряется, но ругаться никто не будет.

– Как прошли похороны? – спросил Бегин, вспоминая обстоятельства их последней встречи с девушкой. Та подавленно кивнула:

– А как могут проходить похороны... Венки, слезы, моги-

ла.

– Вы будете продолжать здесь работать?

– Кафе теперь принадлежит маме Егора. Она его конечно продавать будет. Но пока суд да дело, работаю. Итак, два шашлыка, салат, бутерброд, два кофе. Что-то еще?

Бегин с вежливой улыбкой покачал головой. Девушка скрылась за дверями кухни. Рябцев уже выудил из кармана пакет с табаком, пачки с фильтрами и папиросной бумагой и сосредоточенно шуршал, заворачивая себе сигарету.

– Я скоро.

Бегин встал и направился к дверям, на ходу доставая мобильник. Рябцев покосился ему вслед и невольно хмыкнул. Из-за ситуации с Бегинным и его внезапным отстранением Рябцев чувствовал странное удовлетворение. Возможно, по причине неприязни к Бегину, хотя Рябцев и старался ее не афишировать и не сосредотачиваться на ней. А возможно, причина была в его прошлом – в эпизоде трехлетней давности, когда Рябцев проходил через похожие, правда, более печальные для его карьеры события.

– Довыё... вался, – буркнул Рябцев, проводя кончиком языка по самоклеящейся полоске на конце листочка папиросной бумаги.

Выйдя из «Каламбура», Бегин набрал номер Кашина.

– Матвей Геннадьевич, что за херня происходит?

Кашин был озадачен не меньше его.

– Все очень быстро провернули. Штаб межведомствен-

ный, подчиняется начальству на самом верху. Видимо, кто-то за нашими спинами обо всем договорился.

– И что теперь?

– Формально ты остаешься в составе следственной группы. Можно сказать, теперь вы с этим Мальцевым из областного управления махнулись местами. Если ты хочешь продолжать, карты в руки. Но теперь только с отмашки старшего следователя. Отныне дело контролируют они. Извини, Володь.

Бегин разговаривал по телефону минут десять. Когда он вернулся в помещение кафе, на их столике уже стояла еда. Рябцев энергично что-то уплетал, тогда как на его бутерброде не было ни следа укуса, а вот на одном из шампуров Бегина было лишь три кусочка мяса. Бегин усмехнулся и переложил шампур на тарелку Рябцева.

– Ты чего?

– Я не съем все. Пожадничал. Помоги. Ну или выбросим, если не хочешь.

Рябцева не пришлось просить дважды. Вгрызаясь в шашлык, он подозрительно косился на Бегина.

– Я тебя не понимаю. Был на коне – ходил мрачный, будто собаки в душу нагадили. Сейчас его подвинули – сияет, улыбается всем, весельчак прям. Ты, может, этого и добивался?

– Я бы не сказал.

– Ну, и что теперь? Не привык, наверное, на вторых ролях работать, а, «старший следователь по особо важным делам»?

Бегин бросил понимающий взгляд на опера.

– Тебе все это нравится, да?

– С чего ты взял? – Рябцев смутился. Какое-то время он ел молча. Доел шашлык, принялся за бутерброд. Бегин ел не спеша, думая о чем-то. Рябцев посчитал, что поизголялся и позлорадствовал над следователем он уже вполне достаточно. Теперь можно и сочувствие проявить. Или хотя бы сделать вид. – Некрасиво, конечно, вышло. Если тебе вдруг интересно, я не в курсе был. Так бы предупредил, конечно.

– Хорошо. Но это все не имеет значения.

– Ну конечно, – хмыкнул Рябцев. С бутербродом было покончено. Ощущая приятную сытость, опер откинулся на спинку стула и снова принялся за самокрутку. Послеобеденная сигарета – дело почти святое. – Дипломатичненько они тебя, конечно, подвинули.

– Дипломатичненько? – отозвался Бегин. – Дипломатия состоит в том, чтобы гладить собаку до тех пор, пока не будет готов намордник. Слышал когда-нибудь такую фразу?

Рябцев вообще не понял, о чем речь.

– Знаешь, по поводу этого следака, Мальцева. Я с мужиками из убойного поговорил. Они же со всеми в областном СК знакомы. Так вот, они говорят, что этот Мальцев вечно по ФСБ-шным делам работает. В паре с чекистами. Не знаю, может, у ФСБ есть на него что-то. Сам ведь понимаешь, когда следак не проявляет самостоятельности и не делает резких движений, операм дышать проще. А может, никакого двой-

ного дна и вовсе нет – может быть, наши чекисты с ним просто сработались, и все.

Бегин внимательно слушал Рябцева. Кивнул, словно понял что-то эдакое. И перешел к делу.

– Ладно. Володь, – Бегин впервые назвал опера по имени. – ты ведь ваш участок трассы хорошо знаешь?

– Смеешься? Как свои пять пальцев. И М-4, и Каширку. Все развязки и повороты. Я по угонам восемь лет работал. Знаешь, сколько тысяч километров по нашему подмосковному асфальту я за это время накатал?

– Давай-ка покатаемся по трассе. Если ты не против. Отсюда до МКАД и назад.

– Зачем?

– Я хочу своими глазами все как следует изучить. И кое-что проверить. Пока что на это не было времени. – Рябцев сморщился, явно не испытывая никакого энтузиазма по этому поводу, и Бегин нажал на большую мозоль: – Ты ведь все еще ко мне приставлен, правильно? Так что допивай и поехали.

Рябцев обреченно вздохнул.

Трасса прорезала подмосковные леса на сотню километров, постепенно от МКАДа сужаясь от четырех полос в одном направлении до двух. Развязки, эстакады и переходы,

билборды и огромные потоки машин – от юрких малолитражек до огромных фур с многотонными грузами, ползущими бесконечным огромным потоком. Автозаправочные станции, автосалоны, строительные рынки, магазины, закусочные, круглосуточные стоянки – и бесконечные съезды и ответвления, ведущие в десятки населенных пунктов, облепивших трассу, как мелкие рыбешки-прилипалы присасываются к громадине-рыбе. Частые высокие заборы там и тут из сетки рабица или металлоконструкций с горами земли, строительной техникой и вечными стройками внутри – мегаполис постепенно расползлся во все стороны, подминая под себя все вокруг. Островки безопасности, разделительные полосы, огражденные с обеих сторон металлическими заборчиками со специальной разметкой, и уходящие за горизонт ряды высоких фонарных столбов. Холмы резко сменялись лесами, леса – выроставшими словно из ниоткуда скромными поселками или элитными коттеджными городками, которые так же быстро исчезали позади, уступая место покрытым зеленью полям. Или железной дороге. А может, очередной внушительной транспортной развязке. Или чему угодно еще. Трасса то уходила в гору, то спускалась вниз. Трасса М-4 «Дон» то многие километры тянулась параллельно Каширскому шоссе, то вдруг принималась переплетаться с ним, образуя смахивающие на любовный танец двух гигантских змей причудливые узоры.

Это был целый мир, который жил собственной жизнью

и подчинялся своим и только своим законам.

Машина Рябцева ползла по средней трассе в сторону Москвы. Бегин молчал, изучая проносящиеся за окном здания, конструкции и пейзажи. Рябцев не лез к нему с разговорами, памятуя недавний совет следователя – «крути баранку». Он и крутил. Иногда Бегин бросал что-то вроде:

– Заедем вот сюда.

Сначала это был крупный комплекс, состоявший из АЗС, мини-маркета, шиномонтажа и автомойки. Бегин поговорил с сутулым заправщиком в форменной желтой робе с бейсболкой. Рябцев лениво наблюдал через лобовое стекло, как заправщик что-то отвечал Бегину, жестикулируя и указывая куда-то вверх по трассе. Бегин двинулся в мини-маркет, откуда принес два картонных стаканчика с горячим кофе.

– Угощайся.

– Куда теперь?

Они посетили придорожный бар. Бегин купил там бутылку минералки и пошатался по территории, то созерцая трассу, то наблюдая за кучкующимися за одним из столиков дальнобойщиками, то осматривая машины на парковке. Затем он перекинулся парой слов с двумя громилами около внедорожника с тонировкой, которые явно занимались тем, что сторожили стихийную стоянку при кафе. Рябцев нахмурился, начиная догадываться, что стоит за его действиями.

Когда они двинулись дальше, Рябцев не удержался.

– Пытаешься понять, кто крышует местные заведения?

– И это тоже.

– Спросил бы у наших оперов.

– Спрашивал уже, – отозвался Бегин, как ни в чем не бывало. – Никто ничего не знает. Или делает вид, что не знает. Но по М-4 каждый божий день проезжает грузов и ценностей на миллиарды рублей. Это слишком хороший кусок, чтобы никто не пытался его урвать.

Рябцев неопределенно пожал плечами. Он вспомнил про Билолова, с которым встречался меньше недели назад на окраине Москвы.

– Лет десять назад половину этого участка дороги держал один человек. Авторитетный такой человек. Но сейчас он завязал с этими делами.

– Добровольно?

– Дорога – кусок лакомый, базара нет. Но есть и более лакомые, так сказать, куски. Например, нефть.

– Свято место пусто не бывает.

– Наши не лезут, пока нет криминала, – отозвался Рябцев. – Сейчас на трассе нет банд, которые мочат дальнобойщиков или грабят челноков, как в девяностые. Нет ряженных в ментовской форме – помнишь, какое засилье этих упырей было лет пятнадцать так назад? Я только начинал. А у нас от них все выли. Рэкетеры, которые жгли магазины по ночам. Вымогатели. Кого только не было. Сейчас все спокойно ведь. Не считая, конечно, наших автоманьяков из банды ДТА.

Бегин покосился на водителя.

– Может, ваши и крышуют?

Рябцев нахмурился. И не то, чтобы он оскорбился: опер жил не «в танке» и знал, как сейчас делаются дела. Но впитавшаяся за годы службы солидарность сказала свое.

– А может, ваши? – Бегин хмыкнул и не ответил. Поколебавшись, Рябцев нехотя признал: – Если кто-то из ментов тут крышу постелил, я не особо удивлюсь. Но эти менты тебе не по зубам, уж поверь мне. А про себя я вообще молчу.

Затем они заехали на крупную платную стоянку, расположенную на окраине упирающегося в трассу поселка. И здесь встретили знакомых из Домодедово. Головин и Шахов бродили по рядам машин, разглядывая номера и делая какие-то пометки в блокнотах.

– О, здорова. – Головин шагнул к Рябцеву, тогда как Шахов лишь бросил на них короткий взгляд и продолжил свое занятие. – А вы тут чего?

– Экскурсия, – съязвил Рябцев, стреляя глазами в сторону оставшегося около машины Бегина. – Еще немного и начнем раздавать флажки на память. А вы чего мутите?

– Как всегда, б... дь, – ругнулся Головин. – Наши ФСБшники кого-то там хлопнули, и вот у этих кого-то не было и намека на черную «хендай». По угонам за последние дни тоже не проходила такая. Среди брошенных тачек тоже не нашли. Вот нас и озадачили.

– Весело.

– Да уж... Ну и плюс мы в группе патрулирования. Ви-

дал? – Головин продемонстрировал бронежилет под ветровкой. – Патрулируем трассу днем. На случай, наверное, что наши упыри из банды ДТА резко поменяют почерк и начнут народ средь бела дня валить.

– Зачем, их же типа поймали?

Головин демонстративно развел руками, мол, кто поймет это начальство:

– Спроси! А мы за неделю казенного бензина уже штук на десять сожгли.

Бегин и Рябцев снова двинулись в дорогу. Но ненадолго: вода и кофе сделали свое. Рябцев съехал к обочине там, где не было ограждений, а за обочиной сразу начинался лес, и энергично скрылся в зарослях. Когда он вернулся, то застал Бегина за любопытным занятием. Тот расстелил на крышке капота какую-то карту и делал пометки, вооружившись маркером. Рябцев бросил взгляд через его плечо. Это была подробная карта-схема их района.

– Что делаешь?

– Крестики – места нападений. Точки – это заправки, закусовые, стоянки, магазины и все такое прочее.

Рябцев уселся на капот рядом.

– Пытаешься понять схему? Или просчитать место, где они ударят в следующий раз?

Бегин кивнул – было ясно, что он даже не слышал. Но Рябцев начал уже привыкать к такому поведению вынужденного напарника.

– Многие из наших оперов на этой трассе по 10—20 лет работают, – скептически пробурчал он. – Вон, те же Шахов с Головиным, например. Конечно, они все дураки, а тут появляется Бегин в доспехах на белом, блин, коне – и херак, всех уел. Ага, щаз.

– Все сказал? – Бегин закончил, закрыл маркер колпачком, и теперь просто изучал свое творение.

– Послушай, Александр как-там-тебя, – Рябцев искренне пытался вдохнуть в голову следователя хоть немного здравого смысла. – Мы просто так катаемся. Это не имеет смысла. Понимаешь? Не. Имеет. Смысла.

– Все не имеет смысла. Что поделаешь.

Бегин был невозмутим. И это снова начало бесить Рябцева, хотя еще недавно он почти гордился своей неизвестно откуда появившейся выдержке в общении с самодовольным чужаком из СК.

– Что все это означает вообще?

Бегин медленно сложил карту. Сунул ее во внутренний карман пиджака. Достал сигареты и, закулив, присел рядом на капот.

– Патрули в штатском, которые мотаются туда-сюда. Усиленные посты ГИБДД, до которых эта банда толком и не доезжает даже, судя по всему. Но там сутками пашут десятки людей. В этом – есть смысл?

Рябцев не ответил. Вместо этого молча протянул руку. Поняв жест, Бегин вручил ему пачку. Там оставалась одна

сигарета, но, поколебавшись. Рябцев взял ее. Самокрутку на ветру на трассе было сооружать очень несподручно.

– Искать смысл хоть в чем-то – самое тупое занятие на свете, – сказал Бегин, глядя вдаль, за горизонт, куда уходила трасса и где крохотными точками исчезали автомобили. – Потому что все вокруг не имеет смысла.

– В принципе – вообще все? – после отстранения Бегина от ведущей роли в расследовании Рябцев осмелел настолько, что не удержался и добавил: – Ты, прости, гонишь, что ли?

– Нет. Просто размышляю, так сказать. Мы рождаемся, жрем, взрослеем, убиваемся из-за неудачной любви или сложной карьеры, – Рябцев нахмурился при этих словах, ощутив, что это может быть камнем в его огород. – Потом умираем. И так по кругу. А в перерывах между всеми этими увлекательными делами пытаемся понять, кто мы и зачем все это надо. Потом умные люди придумали религию, которая должна все объяснять. Должна объяснять, в чем смысл. Но вопросов стало еще больше. Мне кажется, фишка в том, что смысла просто нет. Я имею в виду, смысла по эту сторону... по эту сторону жизни, что ли.

– И это говорит следак. Ты не наркоман, случаем, нет? – проворчал Рябцев, настороженно косясь на Бегина. Но поняв, что сейчас он уже перегнул палку, Рябцев поспешно заговорил снова: – И что за беспредел был бы, если бы все считали так, как ты?

– Можно вопрос. У тебя никогда не было ощущения, что

жизнь твоя когда-то свернула как-то неправильно. В душе ты понимаешь, что ты не такой, каким жизнь пытается тебя выставить? Что все это какая-то хрень, от которой можно, иногда так кажется, отгородиться, закрыть глаза – и восстановить нормальную картинку?

Такие мысли Рябцева пару раз посещали, поэтому он подстраховался и промолчал.

– Говорят, что вселенная не имеет конца и начала, – сказал Бегин. – Такая вот вся бесконечная. А ведь то же самое можно сказать и о пустоте. Пустота уж точно не имеет ни конца, ни начала. По мне, так во всех учебниках нужно вычеркнуть слово «бесконечность» жирным фломастером. – Бегин зачем-то показал, как это следует делать. – Есть только пустота. Мне очень нравится эта идея. Просто все мы сутками напролет галдим, орем, ругаемся или смеемся. Всю свою жизнь с первого дня до последнего делаем все, что в наших силах, чтобы только не замолчать на секунду. Потому что тогда мы услышим ее. И вот мы едем на нашей планете, как на машине, по такому большому великому Ничто. Крупинка горластого безумия в бесконечной пустоте...

Бегин щелчком пальца отправил окуроч вперед. Тот описал большую дугу и приземлился на кромке асфальта у обочины в паре метров впереди.

– Поехали, – поднявшись, как ни в чем не бывало бросил Бегин. – Заедем в какой-нибудь магазинчик. Мне нужно купить сигареты.

Это было небольшое строение из красного кирпича, нелепо торчавшее у очередного съезда с М-4 к очередному поселку – первые дома населенного пункта виднелись сразу за жидкой полосой деревьев. Над входом в сооружение висела длинная выцветшая вывеска, на одном конце которой красовалась блеклая надпись «Магазин», а на другом можно было различить слово «Закусочная». Два в одном. Внутри заведение представляло из себя не менее убогое зрелище: тесная клетушка примерно пять на четыре метров, магазинный прилавок с решеткой, в которой около кассы было изготовлено окно с открывающейся створкой, и три замызганных, в пятнах и стружьях, пластиковых столика с такими же стульями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.